

Мечта композитора сбылась:
ЗВУКИ СТАЛИ ЦВЕТНЫМИ

Фотоочерк о цветомузике см. на 4—6-й страницах.

№ 2 [928] ЯНВАРЬ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

СПАСИБО.

Телевещатель «Спасибо» — детище комсомольцев Львовского телевизионного завода. Возникло оно, казалось бы, случайно, из маленького эпизода.

При городском комитете ДОСААФ были когда-то курсы радиоинженеров. Занималось на них много ребят с телевизионного завода. Однажды забрела на курсы старушка-пенсия.

— Сынки, вроде вы по телевизору мастер? У меня второй месяц он ничего не показывает. Чего-то в нем тряхнуло — и погас. Может, поглядите!

Пошли поглядели. Пришлось повозиться. Интересный случай. Улеклись. Отремонтировали. Старушка стала совать скопленные рубли. Ребята смущались.

— Что вы, бабушка. Мы так... мы на заводе получаем зарплату.

Шли по вечерней улице. Настроение было приподнятым. Пустяк, конечно. А вот свалили человеку добро — и на душе маленький праздник.

— А, наверно, сколько их, таких старушек, у немых и слепых телевизоров сидят! — сказала кто-то.

— А сколько всякие рвачи голову морочат!

— Ребята, в моей практике впервые такой дефект!...

— Стоп! Эрикс! А что, если нам... Так возникла идея.

Взавкоме, в комсомольской организации завода вначале удивились:

— Бесплатно? Да зачем вам это надо?

— Для нас это отличная практика, — убеждали ребята. — Да и людям польза. Когда они в платном ателье очереди ждут?

— Ну-ну... А где взять инструменты, помещение?

— Давайте вместе думать. В горсовет обратимся.

В горсовете поддержали: интересно!

Были и скептики:

— Как бы чего не вышло... Однако энтузиазм победил. Горсовет дал помещение, сами ребята отремонтировали его. Оборудование и инструменты нашлись на заводе.

Правда, отработанные. Ничего! Подмодернизировали — еще послужат.

На вызов...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Год издания сорок третий

СМЕНА

Выходит два раза в месяц

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

2 (28) ЯНВАРЬ
1966

БЯТА!

И. МИНУТКО
Фото А. УЗЛЯНА

Завком купил мебель, выдал спецодежду, для солидности выписали газеты и журналы, стали класть их на столы.

Тек на тихой улице Ивана Франко в старом доме № 24 появилось комсомольское телеателье. Как назвать его?

— А помните старушку? За спасибо ей телевизор к жизни вернули.

— Верно! Отличное название — телеателье «Спасибо»!

И появился вывеска.

Все обыкновенно: чистая комната, цветы в кадках, ряды отремонтированных телевизоров. За столом приемщица буднично записывает что-то.

В другой, соседней комнате мастеровская: под яркими лампами дневного света ребята в черных халатах копятся в сложных звеньях вышедших из строя телевизоров.

На стене необычный плакат: «Наша касса», — стрелка показывает вниз на пулю, изрядно потрепанную книгу открытую, которая лежит на тумбочке.

Сейчас во Львове за ребятами прочно укрепилось имя «спасибовцы». Кто же они? Ян Степанский, Вячеслав Романюхин, Роман Васильевский, Станислав Леошин, Виктор Самусь... Всего около двадцати человек.

Ателье открывалось утром и вечером. Кто работал в вечерней смене, приходил сюда утром, кто в утренней — вечером.

Ждали заказчиков. Вначале их не было. Больно уж непривычно: ремонт бесплатной! Нет ли тут какого подвоха?

Начеком первый закон: не работай телевизор, адрес такой-то. Поехал один из парней, отремонтировал, отказался от вознаграждения, помаял руки удивленным хозяевам.

Второй закон, третий... Самые мобильные люди в городе — таксисты — разнесли весть об удивительном ателье повсюду. И заказы хлынули густым потоком.

Ребята из ателье привлекла богатая практика, возможность совершенствовать квалификацию, повышать мастерство. Все они горячие энтузиасты телевизионного дела, фанатики, если хотите. Для них сложенный телевизор, как недоказанная теорема для ученого, как новый роман для начинающего, как чистый лист бумаги для поэта. Кстати, многим из них практика в ателье позволила получить более высокие разряды на заводе.

Но вскоре еще больше увлекла и захватила их та сфера человеческих отношений, центром которых они вдруг неожиданно стали.

У каждого спасибовца есть красная книжечка с золотыми буквами — «Телеателье «Спасибо». В ней записано:

Перед спасибовцами открылась широкая возможность повысить свои знания и мастерство.

Председатель совета ателье Ян Степанский принимает очередной заказ.

— Спасибо! — говорит пенсионер Владимир Александрович Краев Станиславу Леошину.

«Человек человеку друг, товарищ и брат».

Далше:

«...член телеателье (такой-то)... Везде бесплатный ремонт телевизоров, является добровольцем бескорыстного труда».

И на добро люди отвечали добром.

Пришла в ателье пожилая женщина, принесла стопку книг.

— Ребята, это вам в библиотечку. На досуге читайте. Обязательно надо читать (в прошлом она учительница). А телевизор работает хорошо. Спасибо вам.

Отремонтировали телевизор в Художественном училище — пришли в ателье молодые художники, расписали стену:

— Пусть у вас будет красиво.

— Черный телефон у вас, — сказал один из клиентов. — Нехорошо.

На следующий день принес белый.

— Мне что белый, что черный, а вам надо.

Кто-то принес кадки с цветами, кто-то отремонтировал окна — вставил новые рамы; пенсионер-переплетчик сделал для ателье огромные альбомы («Пусть в них отразится история вашего начинания»).

Приходили разные люди: слесари, художники, студенты...

— Чем вам помогло, ребята?

Из Перми пришло письмо от Валерия Быстрова «Узнал о вашем ателье «Спасибо». Я мастер по телевизору. Хочу в своем городе быть вашим представителем».

Просьбу удовлетворили.

Посетил ателье делегация канадских коммунистов. Познались с ребятами, все ознакомили, от волнения повлечили глаза.

— Примите в ваше ателье?

Канадские коммунисты стали первыми почетными членами телеателье «Спасибо».

Пок в телеателье «Спасибо» родилась атмосфера новых отношений — радости, освобожденных от мелочей и недвояких, отношений, несущих в себе коммунистические черты.

Именно они, эти отношения, сделали спасибовцев по-новому счастливыми, превратили их в спаянный, дружный коллектив, который раздельно не выразился вперед.

Учащение ребят получило поддержку: спасибовцы получили Почетную грамоту ЦК ВЛКСМ, в которой говорится: «Коллективу Львовского общественного телеателье «Спасибо» за проявленную инициативу и образцовую работу по бытовому обслуживанию трудящихся».

свободными мазками изображал во весь рост волевого провозвестника нового мира. Несколько лет спустя, когда И. Е. Репина спросили, кто, на его взгляд, наиболее талантлив из современных живописцев, Илья Ефимович, не раздумывая, ответил: Федин. Этот самый портрет — к слову сказать, один из первых и лучших в советском искусстве образов основоположника научного коммунизма — можно увидеть сейчас в Москве, где он экспонируется ныне в одном из залов музея, посвященного жизни и деятельности Маркса и Энгельса.

— ...Глади! — шептала, облизывая мени очки из армейских друзей. — Во, как драпают глади!

Но я и сам уже заметил небольшой антографский плакат на стене, вызвавший веселое оживление. С большим юмором и сходством художника изображал лужаво улыбающегося Ильича, земной охваченного землю от экскаваторов и тупейцев. В лавической страхе разлетались в разные стороны фигуры копа, фабриката, коронованных особ...

И тут я вспомнил, что уже видел однажды этот выразительный плакат, произвигавший горячим дыманием времени. Правда, совсем в иной обстановке, в отдаленном арктическом лагере. Вот как это было.

...Телушка волевого живописца то и дело выдвигала на стмыах, и мои телушка, словно сплюснутая палитка голова расплывалась от боли. Давали себя звать поведением копушка да претушка малярин — память польских боют...

Судный ветер проникал в щели телушки, выдувая последнее тепло, с трудом поддерживаемое «бузуржуйкой». Жесток от холода, дежурный бои подбирался в пещку где-то раздобытый кусок полноразовой доски. Сухое дерево мгновенно вспыхнуло, бегальский огнем рассыпал золотая искра. Яркое пламя на мгновение высветило часть дощичей стены с иероним маленькими боюшка лозушкам полнотелого, призываниями без пошлady бить врага — аснововажных знаков, безопасно.

ляков: «Даешь Варяпу!» — и скромный цветной плакат с хитрой ленинской усмешкой...

И вспомнил все, что мы знали об Ильиче. Он работал с огромным напряжением сил, но всегда был ровным, неунывающим, всегда жизнерадостным и справедливым. И мне вдруг стало легко, словно кто-то влил в меня свежий замес жизненных сил. Знакомый облик то появлялся, то вновь исчезал в ответах огня, и, как напутствие, под перестуи колес в уплах звучала чеканное слова ноата:

Мне нужно действовать. Я найдый день бессмертным следить бы делал, как тебь Великого героя. И помнть И не могу, что значат отдыхать...

Встреча с другом после разлуки всегда волнует. Чуть ли не полвека прошло с тех пор, как октябрьский шторм снес наседса с родной земли помехником и капиталистов. И легко предстать чувству радостного изумления, которое охватило меня, когда в дни четырехсотлетнего юбилея русской науки я вновь увидел хорошо знакомый мне старый боевой плакат. Фамилия автора не была указана. Мне захотелось во что бы то ни стало узнать имя художника. Не стану описывать связанных с этим приятий. Скажу лишь, что автором впоследствии моего плаката оказалась широко известная известнейший карикатурист газеты «Правда» Дени. Сюжет был заимствован им из безымянного рисунка, начатого им в 1918 году в крестьянской газете «Беднота». А не так давно, знакомясь с архивом талантливого художника академии Михаила Черемных, я, к моему удивлению, узнал, что он-то и был автором первоначального, появившегося без подписи галетного рисунка.

...Так провозглаша моя третья встреча с неувидаемым прошлым, встреча с новым.

3.

В конце концов конкистадорам удалось захватить Чучи апу марка — город золота. В огромном количестве добыли для нас золото, парубочные мыша индейки. Но жадность не знает границ. Те двое, что вывели крестика на договорю у мадрибского нотариуса, вздумали теперь поставить крест друг на друга. Между шакалами Писаро и Альмагро расгорелась война. Немало прошло времени, прежде чем наступил мир. И тогда присвоили индейскому городу имя Ла-Пас, что означает «мир». Так он называется и поныне.

И тогда они назвали город — Ла-Пас, что звучит изящно и лило. Но пока этот биеск золотой не погас, не было и не будет мира.

И что ни делай, как ни крути — сердцу сердце не отговозит, ибо мина, спрятанная в груди, одиноки еще взорвется. И пока не вытиснет из нее взрыватель — кружок монеты, — напрасно тратьть будут свое уметь и пыл поэты, ибо аличное сердце их голосы не услышит

КОЛЕСО

Над кручами Кордильер, превыше туч и тумана, жовет Высочайший Свет, или Пачакамана. Пачакаману дочь — Солнышко, или Инти. [Только минует ночь, зернышко в землю кинуть — сразу спешит помочь вырости ему Инти.]

Пачакаману сын — Месяц, или же Ою. Взгляд у него суев. Сердце его жестоко. О, от его серпа вечно беда бывает: Инти растит хлеба — Ою их убывает...

Это извечный круг. Так повелось от века. Кружится круг вокруг своей оси — человека: Инти — Ою, Ою — Инти, Инти — Ою...

Но когда самолет мой взлетел высоко-высоко, я хотел примирить их, издалось, нет легче дела: на правом крыле самолета усеяса Ою, а на левом крыле самолета Инти сыделя.

МОЙ ДРУГ АЛАНДИО ПАНТОХА РИСУЕТ ЧЕЛОВЕКА

Губы — красная медь, гордо трубящий горн. Лицо — желтый квадрат, выпленный вторых тупой пилой небоскребов. Глаза — как два альпийских, оранжевые и круглые. Волосы — словно зёрноси, которые треплет ветер, черный, как моторный. Тело — гранитный плавник на постаменте гор. Руки, сжавшие молот, доугуче, как бульдозеры, раскалывают скалу. Кожа — красный металл, огненный вал, из бпоминга вынутый только что. И — завершение облика — пот покрывает тело, словно бы плащ из облака, утративший то и дело... Так рисует он выразительно человека, и выглядит его фреска черной, как моторный — удивительный синтез древних скульптур искусства и Диего Риверы, и Сикейроса, и Орскос. Перевал Юрия ЛЕВИТАНСКИЯ.

Графюры Ю. КОСМИНИНА

СТРОИТЕЛЬСТВО "ПРОМЕТЕЙ"

Э. МАТВЕЕВА

Фото А. ЛЕХМУСА

...Как это описать? Экран то насыщался багрянцем, и полотно дышало, как бы напитанное живой кровью, то светился, ликующей синью, то вздымалось из ниш и рушилось нечто грозное, необъятное, таинное. Вспомнились невольные шекспировские «пузыри земли».

Фильм без сюжета, без артистов, без слов — только цвета, только музыка.

Цветомузыкальный фильм «Прометей» показали нам в городе Казани студенты авиационного института. Им удалось «снять» знаменитую симфоническую поэму Скрябина «Прометей», они попытались сделать реальностью мечту композитора увидеть,

как «звук светается цветами». Известно, что в партитуре «Прометей» помечена строчка «люкс» света. Скрибин надеялся сам показать свою световую поэму слушателям — на световом органе Рейнхитона в Лондоне, но ему помешала первая мировая война.

Режиссер студенческого цветомузыкального фильма «Прометей» Булат Галева познакомил меня со своим исследованием, посвященным истории развития цветомузыки. Там описан световой инструмент, изготовленный Эдисоном, отмечены сыганные премьеры «Прометей» со светом — в Москве и Лондоне, наконец, рассказано и о поисках и находках студенческо-

го конструкторского бюро Казанского авиационного института, попытавшегося сделать красочными впечатления от музыки в прямом смысле слова.

Съемки цветомузыкального фильма потребовали от его создателей знаний техники, искусства и, конечно, мастерства. Кроме Б. Галева, Ю. Коваленко, Н. Вапцова, Ю. Кузнецова и других, над ним работали слушательницы студии при Казанской консерватории И. Ванечкина и Л. Романовская — исполнительницы световых партий, молодой инженер Казанского химзавода имени Куйбышева Э. Десюж.

Сначала отдел цветомузыки СКБ

попытал над расчетами схемы и монтажом съемочной модели с электронным управлением, яркостью специального экрана. Яркость экрана зависела от характера воспроизводимых звуков.

С этого экрана синхронной камерой на черно-белую киноплёнку ребята отсняли всю световую программу «Прометей». Затем на фотограмму сделали запись звуковой партии, и по ней были определены длительность и метржиз изменяющихся цветтовых пятен, форм в соответствии со строчкой «люкс» света.

Наконец, с помощью трех цветочувствительных и специальных матриц напечатали копии позитивного фильма.

И вот цветной экран зазвучал, звук засветился...

Точно ли переданы цветные видения композитора? Это виднее музыкантам и музыковедам. Важно, что начало прекраснейшее, дерзновен-

Наиль Вапцов, оператор киностудии, проводил специальные съемки для «Прометей-2».

Согласовать музыкальные фразы со светом нелегко. И делает это студентка консерватории Ирина Ванечкина.

нейшее дело; важно, что есть попытка сделать несравненно полное наглядение человека искусством. Более того, с развитием цветомузыки появляется новый вид искусства, который потребует от человека вновь развитых способностей — цветного слуха.

Глядя этот фильм, наблюдаю работу студентов в конструкторском бюро, я подумала: «Глядишь, доживем еще до минуты, когда звук можно будет пощупать. И критики запросто будут давать оценки музыкальным творениям, взвешивая их на ладони».

Цветомузыкальный фильм «Прометей» родился как младший брат после знаменитых в Казани концертов на установках «Прометей-1» и «Прометей-2». С их помощью энтузиасты

цветомузыки исполняли произведения Скрибина, Римского-Корсакова, Рахманинова. Об успехе концертов писали и местные газеты и центральная пресса. Правда, установок были громоздкие, требовали специального жерана и массы всяких приспособлений, как звукоусилителей, так и управляющих световым потоком в соответствии с партитурой. Кроме того, там был пульт для живого звукорежиссера. На экран проецировались синий, красный, желтый, зеленый и белый световые тона, которыми командует исполнитель и стоящие у пульта яркости и управления динамикой. Исполнение световых партий синхронизировалось с дирижерского пульта. Создавали установок — принципиальные прототипы автоматизи-

ции дирижирования музыкой. Они веруют в обаяние неповторимой человеческой индивидуальности, ту силу души, которая, вбирая в себя все нюансы жизни, возвращает их в виде поэзии, скульптуры, музыки.

— Мы не знали, как ублажить всех, кто рвался на наши экспериментальные концерты,— говорил мне руководитель конструкторского бюро Юра Коваленко.— Город нас ругал за нехватку билетов, как будто мы были его собственностью. Знаете, это было новое и, открыто говоря, приятное ощущение.

Мы пришли вместе с Юрой в СКБ, он открыл секретную дверь без ключа, с помощью какого-то хитрого цифрового шифра. Мы попали в свая-

нительно просторное помещение с уютными закутками, столами, на которых стояли тиски, сверла в деревянных колодцах, паяльники, различные инструменты. Студенты что-то подливали, паяли, спорили вполголоса, вода пальцем по таблице децибелов, висевшей на стене.

Студенты входили, выходили, брали у Коваленко инструменты, монтажные провода, гитаканс. Он выдавал требуемое, извлекая из высокой шкафы, где самую нижнюю полку занимали бутылки из-под кефира — классического студенческого ужина. Это означало, что жизнь здесь кипит до глубокой ночи, значит во всех четырех отделах СКБ — Бионии, электротехники, радиоуправления и цветомузыки.

Я познакомилась с курсовыми дипломными работами, построенными на материале исследований, проведенных в СКБ. И теперь я могу сказать, что СКБ в Казанском авиационном не какой-то класс для игры в будущий трудовой процесс. Это именно лаборатория, где молодые исследователи имеют возможность реализовать свои самостоятельные творческие идеи. Я верю, что здесь будет положено начало биографии будущих Яблочников, грядущих Эдисонов.

В кладовых сокровищ СКБ я обратила внимание на черные пакетики с микрофото и спросила у Коваленко, что это такое. Оказалось, переводки.

— Это мы такую плату с педагогического института берем,— улыбался, объяснил Юра.— Мы им две билеты на цветомузыкальные концерты — целому курсу,— а они нам потом вообще переводят все, что нас интересует в иностранной прессе.

Над нами висел прекрасный, трагический и вместе задумчивый портрет Скрибина работы местного молодого художника Васильева, на полках вдоль стен лежали картоники с каскеттами — целые километры музыки Пронифавича, Шостаковича, Грига... Книжки «Бионика» и «Философия», «Наука и человечество», «Теория и практика цветного телевидения»... Музыкальная книжка полка СКБ никогда не убавится. Любопыт к симфонической музыке, живой интерес к искусству, литературе, политике — вот что бросается в глаза, когда беседуешь с ребятами-казанцами. Напряженный темп жизни... Тага к самостоятельному научному мышлению.

«Взав с полки пластинку Грига, они слушают музыку, а сами в это время чинят проигрыватель медиков — для вечера, где все вместе будут танцевать».

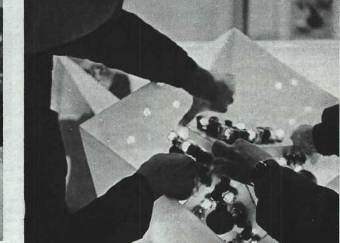
Современные ребята...

Они втянули в свои цветомузыкальные дела студентов-медиков, будущих педагогов, лингвистов. Сделали СКБ одним из культурных центров города. Жизнь их полна увлечений. И я подумала о тех, кто жалуется на скуку, пустоту существования. В сущности, у партитур каждой жизни есть своя строчка сюжета света, и, наверно, надо искать к ней ключ так же упорно, как это делают ребята из Казанского авиационного.

Это пока эксперимент. Поэтому так серьезен Булат Галеев. Создатели «Сферы» хотят увидеть свое детище в планетарии, когда купол расцветится красками.

Каждый занят своим делом.

Может быть, аппарату, на монтаже которого сосредоточились сейчас ребята, предстоит заглянуть в будущее.

Меня поощады

РАССКАЗ

Вы слышали, как будет паркомом ночью? Засыпаешь, идешь за садом, далеко под деревьями згубишь... Хрипло, печально. Заложатся сердце, и во сне видишь соленую воду и какие-то голубые берега, которых нет и есть...

Так я жил и слушал Волгу. Из школы без особой печали приносил тройки. После уроков гулял мы с Толкой на берег, где покачивались потрескавшие красивые — муча жизни — недостатные моторные лодки, где пахло мазутом и горячим песком, где с ослящих бревен мы забрасывали свои удочки и закуривали папиросы, одну на двоих, да еще Пятка-Каталик выпрашивал, докурить. Курылись до синего озноба, пока солнце не начинало вылиться за горы, и над аномными домами, трубами, трамваями не повисала оранжевая шаль.

В восьмом классе мне не повезло: никак не мог побороть конкуренцию с двумя неизвестными, получаю перевысменовку на осень и летом пошел работать на колхозе. А потом мой дядя помог устроиться на теплоту «Армвир» мотористом.

В машинном отделении я орудовал масляной, слышал двигателя, переводил реверс, чистил насосы. Ходил реками из Ростова в Кубитышев с зерном и рудостойкой. Зимы стояли на ремонте в Горьковском заводе, а весной по машинной, разлившей воде побежали вниз, а первый рейс.

Проходили мимо Саратова. Вылез я из ухающего жаркого машинного отделения. Уже уплыла назад нава слобода, нефтяные баки, пласты, рыбаки со своими «плавками». И так захотелось мне разглядеть наш домок.

Сколько ни вникал глазами, не разглядел. После смены лет я на свою койку в каюту, заснул и увидел наш двор... Мать была развешивает, а Толка вылакает мой уадох. Через неделю, как пошла снова вверх к Саратову, скучно мне стало и грустно. Прямо тоска. Постучался я к старшему в каюту и говорю:

— Иван Никанорыч, разрешите мне на три дня домой? — И кашлянул. — Заболел я вроде.

— Электромотор надо разбирать, а ты — домой, — отвечает стармех. — Или, может, тебе дочкашка жидет?

— Нет, простуда.

— Бывает и простуда, — ответила Иван Никанорыч. — У меня всегда в труды ломит, когда мимо моего Волжских хуторов идею. А работала сейчас хороша, по большой воде... На автовои стороне, где деревня затопленнее. Что ж, дайви, почти под прорываю. Ходатайствуй за тебя. Смотри, водки много не пей: коллектив наш передовой. Обратно пойдем, возьмем тебе.

Я побежал собирать вещи. Девочки, конечно, у меня никакой нет. Просто одной знакомой, Ирка, писал я письма, шесть штук. А она мне выдала. Собрал я рюкзаки. На расвете поднялся к городу. Капитан вызвал диспетчерский катер. Через полчаса ступил я на родной берег.

Вышел я на нашу «Первическую улицу, вдоль Волги. Солнце встало с верховья. Все спало. Пыло слышно. Простояла в квартале десятка: мимо фабрики бывшей Шмидта, мимо хлебозавода, спортивного городка и вышла к нашей слободе. Домики-то какие маленькие!

Тополными клыками льстятся пакеты. Сирень через заборы ломится. На левой стороне синий домок в три окна — там Ирка живет. Над крышей у них скворечник, около него скворцы с веревками дерутся. А вот и наши ворота на улицу наклонились. Капитка тяжелая, сильно хлопает. Я капитку осторожно открыл за мокрую ручку и прикрал тихо, чтоб не бугнула. За капиткой дерево с розовыми ипомеями. Никто из нас во дворе не знает, какое это дерево. В глубине наш домок. По нему уже змеял плеще. Плавсаидан низенький — переиначить можно. Агадрия выше дома. На крыше антенна телувизора усы выставила. На эти усы соседские телевизоры садятся. Я не стала сразу стучать, а пошла во дворю. Все, как было, только как будто утончилось, и просло в землю. Соседская дача с обранной клеверной. Загородка для кромыков. Доштыль дачи. А вот дверь Толкиной квартиры. На ней написано красной краской: «Эт и твой дом. Фидаль»

Вернулся я к нашему крыльцу, постучал. Шаги в сенки. И мама испугавшись голосом спрашивает:

— Кто здесь?

— Это я.

Мама ойкнула, ступнул кромок. И, босая, в одной рубашке, схватила меня теплыми руками.

— Это я в отпуску, — говорю я.

У мамы щеки мокрые.

— Покуда, покуда, — шепчет она, рюкзак у меня берет, и смеется, и оплет плавчет.

Какой низкий потолок у нас! Пахнет тестом, моаком и как будто плевками?

— Как жинете-то? — спрашиваю я деловито. — Я на три дня, мама. Как живете?

— Живы, здоровы... Садись... садись... Теперь у нас Аленушка живет... — Это что за Аленушка?

— Пяемшица твою чай, ты агади! — смеется мама и манит меня плавцем — Пойдем, посмотрим на нее.

Здесь тепло, и я едва различаю светлый затылок и загорелую руку на одежде. Но кто-то здесь есть еще: из угла доносится тяжелое дыхание.

— А там Аленушка спит, — поясняет мама.

— Какой Аленушка?

— Да там Аленушка, из Красского Кута, — смеется она. — Он старенький стах, ходит маю, все стихи пишет.

Мы выходим в столовую, и мама здесь говорит громче:

— Такой пот, беда. Пишет и пишет. Бабушка умерла, он и приехал. Что ж одному-то жить? А я банны поставила: чуяло мое сердце, приедет кто-то! — Она быстро убирает волосы, и ставит чай, и говорит, говорит:

— Ты что ж, на три дня? У нас теперь газ... Такое удобство, сказка — ни дыма, ни посуды чистить.

Она торжественно показывает новую газовую плиту. И вдруг горестно всплескивает руками:

— Мне сегодня в Покровск на похороны ехать.

— А кто умер?

— Тетя Сова! — Мама садится на табуретку и всхлиывает. — Все завала, жалда мне, когда я к ней приеду, а я так и не собралась.

Я вспоминаю тетю Совю, одинокую, большую, веселую повариху, старую деу. Она всегда призывала нам чернослав и все красила свои седые волосы: «Гаданьш, какого старика еще зачарую».

Мы нем чай, и мама рассказывает шепотом:

— Аленушка большая уже, и кукол своих кушает и танцует. На улицу врется — не удержив. Я поросила Степана Михайловича капитку самать потуже. Шалят часто. А наладить жалко. Ведь без матери растет...

— Все спрашивает: где мама, скоро мама придет?

Мама замолкает и подавленно смотрит в одну точку.

— Ни отца, ни матери; мать все в разледах: гастроли, дороги... Отец строчки не приходит. Хоть бы ты ему написала. Рядовой реболел! Я уж ему выписку из газеты послала, статью, где одна девушка пишет, что хотела бы увидеть хоть раз своего отца, что он за человек?

Мама плачет и накладывает мне варенье.

— Ну, а твой язык? Ой, покуда, покуда!

— Я вынул ему, — говорю я твердо.

Я ложусь спать в зале на проломанном диване.

Мама накрывает меня старым палаты и шепчет:

— Спи, отдохни. Я живо обернусь.

Я засыпаю и слышу, как мама месит тесто, как чмокает во сне Аленушка.

Меня будет прохот и плач.

На полу месит девочка под мои рюкзаком. Я вскакиваю, поднимаю ее и вижу... свою сестру, только очень маленькую. У нее такое же выражение лица, как у сестры, когда она ревел в детстве. И нос так же сморщенный, а глаза зеленые. Узнаю ее знакомого дядю, Аленушка ревет еще громче.

— Здравствуй, Аленушка! — говорю я ребенку. — Ведь это я, твой дядя.

Я выхожу в столовую и за стоком вижу алчного старика с голубыми глазами и серыми усами. Он медленно сворачивает блин.

— Здравствуйте, дедушка! — говорю я бодро и громко.
 — Здравствуйте, — отвечает дедушка. Глаза его сияют. — С приездом вас! — Он протягивает мне холодную кастрюлю адыш прота дубовой коры. Я помню своего дедушку высоким, сухощавым, с чапановскими усами, а теперь он сутулый, мешковатый и глаза у него выпящены, будто воды из разбавил.
 — Как адышай? — Он улыбается робко, точно извиняется.
 — Хорошо, отлично! — говорю я громко. С дедушкой мне хочется говорить громко.
 Дедушка стоит и улыбается. Я стою между дедом и правнучкой и не знаю, что думать и говорить. Если бы мама была, она бы живо все привела в движение, каждому бы что скажет подкинула, поддала.
 — Вы надолго? — спрашивает дедушка и не садится.
 — Садитесь, дедушка, — говорю я. — Я ненадолго, дедушка.
 Мы пьем чай. Аленушка уже освоилась и забралась мне на колени. Я смотрю на дедушку и вспоминаю его за работой. Он много работал. Косил, моетла хлеб, рыл землю. У него и сейчас адыши не распрямляются, так, так привыкая к лопате, к лому.

Осле чая я мою посуду, а дедушка достает тонкую ученическую тетрадку, долго ищет карандаш, долго находит очки.
 Мы с Аленушкой идем в магазин. У калитки меня хлопает по плечу мотучая рука. Оглядываюсь: Толяка. Ну и верила! Все лицо забрызгано несуккупками, лава чайного цвета, смеется.
 — Здорово, Куба! — говорю я. — Прибыл на родину.
 — Это мой папа, — говорит Аленушка Толяке и показывает на меня.
 — Всею Волгу протеша или нет? — спрашивает Толяка.
 — Чутко осталось.
 Выходим на улицу, перекидываемся о том о сем. Мне ужасно не терпится спросить про Ирку.
 — Как насчет рыбалки? — спрашиваю я.
 — Хоть сегодня махнем. Хочешь?
 — Еще как! Да вот на руках человек. — Я киваю на Аленушку. — И мать уехала.
 Я вижу Иркин дом. Как мне хочется спросить о ней!
 — Где работаете, Толяка?
 — В большой химии.
 — Сидев. Ну, а как ребята?
 — Сидей — на кожзаводе. Челюсть учится.
 — А Катюшки?
 — В армии.
 — Ну, а Ирка? — спрашиваю я равнодушно.
 — Кармен! Здесь она. Занимается спортом. На рашпах. Так завтра поедет рыбалку. Ну, я побежал.
 Толяка бросается за травяном и вскакивает на ходу.
 Мы идем в магазин.

— А мама скоро придет? — спрашивает Аленушка.
 — Скоро.
 — А ты мне купишь пароход?
 — Куплю.
 Уже знобит. За садями сабодки пробралась трехпалубный. Ползут баржи. Начался первый день отпуска. Я чувствую радость и грусть: быстро пролетит дни...
 Я покупаю ребенку шоколад «Новая Москва» за рубль пятьдесят.
 — Понеси меня, — просит Аленушка.
 Поднимаю ее на руки и иду медленно, солидно: ведь я адыш.
 Навстречу мне идет женщина с ребенком, старичок с раздвоенной борошкой ведет карнаум. У всех у нас дети.
 Я приношу Аленушку домой.
 — Ложки ее спать, — советует дед. — А потом я тебе прочитаю кое-что тут.
 Я укладываю ребенка. Она не хочет спать одна, обхватывает меня за шее руками и просит рассказать сказку. Я рассказываю, как мы плыли по морю и поймали большую рыбу. Мы ее разрезали, а из нее выскочила волшебный старичок и говорит... Что же он говорит? Аленушка раскрыла рот, ждет... что же говорит старичок? Ах! Старичок говорит: спи, спи, Аленушка. Будешь спать, тогда подоро тебе пароход, Спи, спи, Аленушка. От нее пахнет молоком и свежим сеном от вола.
 — Мы поедем на пароход? К маме.
 — Поедем, если будешь спать.
 Она засыпает, я осторожно высосбоджаю голову от ее рук и выхожу в зал. Здесь дед поджидает меня с тетрадкой.
 — Я тут написал стихотворение, послушайте, — говорит он. — О разужении.
 Дед подносит тетрадку близко к лицу, читает дрожащим голосом:

Весь мир на словах разужается,
 А на деле вооружается...

Дедушка никогда не пишет о своей жизни, о тяжелом труде и заботах. Его волнует борьба за мир, великие люди истории, полководцы, тени, добро в зал, величие и подлость.
 — Молодые резы так напишут? — спрашивает меня дедушка и читает еще.
 Я хваля стихи, потому что дедушке восемьдесят пять лет.
 — Ты, Боря, зайдй обязательно в редакцию газеты, — просит дедушка, волнуясь, и в волнении уже говорит мне ты. — Ты зайдй непременно. Унай там: как они оценивают?
 После обеда я опять гуляю с памянницей. Я хожу мимо дома Ирки. Вспоминаю, как в прошлом году я ее почему-то три раза подарил провоза. Заслыла — думла о ней, испала — о ней. Я прихода после школы к ее двору, хотя мы ни о чем не договаривались. Она выходила, и мы бежали на Волгу. Все люди точно отдалились от нас. Была жара. Волга и мы.
 Мы как будто стали великанами и шагали над людьми. Мы хототали и шаывали вместе со всеми и — один.

Рисунок В. ЮДИНА

Когда я ее поцеловал, губы ее были такие холодные от купания, и нос был холодный, а дыхание теплее. На другой день я ее пошел в школу и ловил рыбу, чтобы привести ей. Я принес рыбу, она засмеялась и сказала: — Не выдумывай.

— А мама, черная красивая женщина с усиками, погладела на нас испуганно и заявила:

- Ира, вечером ты нигде не пойдешь.
- И спросила меня:
- Ты перешел в следующий класс?..

Я беру Алешушку на руки и иду к их дому. За калиткой ее мать вышибает ковер, она по-прежнему с усиками.

— Здравствуйте, Иссеса Федоровна! — Оказывается, я помню ее имя, отчество!

— Здравствуйте, молодой человек, — отвечает она и колотит ковер какой-то уродливой палкой так, что пыль летит на нас.

— Ира! — Ира с подружкой готовится к экзамену, в городе. Я плетусь с Алешушкой обратно, на свою сторону. У ворот стоит наш одноклассник сосед Лазарь на костылях. Когда я уезжал, Лазарь был на двух ногах. Он работал उपравником и все бегал по двору и очень бестолково ругался. По бестолковости и погна по трамваям.

— Ты много плавал по Волге, так скажи мне, куда делалась рыба? — спрашивает меня Лазарь горестно. — И что об этом думаю ты, в Москве? Хотя я ни разу не думаю, что еду в Москву.

— Лазарь еще долго говорит о рыбе и вдруг спрашивает:

- Ты, говорят, стал механиком?
- Не механиком, а мотористом.
- Мотористом, значит, мотор, — радуется Лазарь. — Я получил машину, а она не заводилась, почему?
- Какая машина?
- Машина очень хорошая, но она не заводилась.
- Где же вы взяли машину?
- Где и взял машину? — Лазарь хохочет, довольный. — Очень просто. Нет ни гроша, есть машина.

Вотром, когда я проснулся, Алеша и дедушка спали. Баба я заварил кашу, в дверь заглянул Лазарь. — Эй, механик, иди валааживай машину! — Сейчас, только покормлю Алешушку.

— Покорми, покорми, пращушки, когда-нибудь и ты будешь отец. А где мама?

- Уехала на похороны тети.
- Сколько было лет тете?
- Больше шестидесяти.
- У нее был рак?
- Нет, она умерла без рака.
- Это незвестно, — возразил Лазарь. — Сейчас многие умирают через рак.

— Не так-то просто одеть и обути маленькую девочку. Где чулки? После долгих поисков я нашел их на этажерке, но Алеша сказала, что не хочет ходить в чулки. Затем, конечно, убежала каша. С сандвичами дело пошло быстрее. После пальты Алеша потребовала бант. Когда я привадила ей на макушку бант, она сказала:

— Покажи мне на кашалы.

Я начал качать ее, но Лазарь стоял рядом и все продолжал о своей машине. Во двор вышла дочь соседа, школьница Манька. Я оставил ее летать Алешушку.

Мы с Лазарем выкатили из сарая его машину. Она доставала мне до живота. Машина завелась не сразу, но сразу заглохла.

— У нее совсем новый мотор, — сказал Лазарь. — Если ее толкнуть, она заработает на ходу. Она может завестись, как ракетка. Только не надо, чтобы дети стояли близко. Убедите детей.

Манька вдруг поехала довольно быстро, проехала два круга по двору и задела только дерево и угол сарая, а потом утонула в штабеле досок.

Лазарь вылез из машины и скакал, вытирая бисерный пот с лисины:

— Ира проверь мотор.

Я вылез с мотором, когда раздался рев Алешушки.

Оказалось, ее испуганная конка, которую она хотела засунуть в старый валенок.

— Я переименую Алешушку палец, а Лазарь говорил.

— На этой машине можно давать шестидесять километров по хорошей дороге, но где у нас такие дороги?

— Лазарь, ты имеешь совесть или нет? Разве человек получает себе отпуски, чтобы завести твою машину? — Это вмешалась жена Лазаря, парикмахерша Марковна.

Я взял Алешушку за руку, и мы пошли гулять. Опять пекло. Волга была спокойная, как Неаполитанский залив на фотографии. Медленно прошла по ней большая трехпалубная. Нант «Армариан» подматывал уже к Кудибью...

...и только как, что асфальт стал мекки. Гордый ветер от прохладных машин окутывал нас с Алешушкой. На той стороне увидели тени. В доминие у них занавески задернули. Шел второй день отпуска. Как же так! Целый год я плавал мимо города, мимо его дома и ждал, ждал. Когда я срублил мажорской, мне меропалась эти окан! Что за чертовщина! Ведь я здесь, и она здесь! Или мне нипелко толову!

Я смотрел на асфальт и чувствовал, как стучит у меня в голове. Асфальт треснул, и в трещины влился стейбан клеови. И тут же, оттого ли, что мне натекло в голову, я сказал себе: ведь она знает, что ты пришел! Значит, там лучше. Я пошел к Алешушке на руки и пошел на ту сторону.

Манькины шаг потюком, и пришлось переждать их. Знал, тем лучше. Я просто войду и просто скажу: «Шел мимо, шел». Желаю вам успеха в спортивных соревнованиях. Я буду говорить ей «вы». Желаю вам успеха. Я скопываю мажорскую долу так сказать. Завявшие послужат нам уроком. Нет... укором... Вам необходимо высшее образование...»

Я открыл калитку и увидел ее мать, красивую женщину с усиками.

- Добрый день. Ира дома?
- А, здравствуйте! Это твои племянница?
- Да.
- Где же мама?
- Работает в Средней Азии.
- А папа?
- Тотже работает.
- В Средней Азии?
- Да, в Средней.
- Они живут отдельно?
- Отдельно.
- Вот какие стали молодые люди!
- Где Ира?
- Где Ира! У нее горячее время. Она готовится с подружкой.
- Она злится меня все сильнее, и я все шире улыбаюсь.
- Ты молодет, работашет, только мало вырос.
- Она даст тебе в дом, вынесет конфеты и дала Алешушке.
- Не надо...попробуй я...— У нее есть.
- Что ж, пусть... Ее некому поблагодарить. Такие нынче отцы.
- До свидания, — сказала я очень весело.
- Нет, наверное, мне понадобится в голову, я как будто шлепал зомы. Какая добрая тетя! Только не беспокойтесь об отцах.

Девочка ест конфеты из двух сердобальных тетей, а отец ее шамшани в Средней Азии. Он, помнится, курил хорошие папирсы, и чтеца полные книжки и баба не дурная вышивальщица.

— Потужай, Алешушка, а я напишу письмо, — сказала я племяннице.

— И ренца выражается кратко: «Вы знаете, почему мы пишем?»

Мне хотелось написать, как в старых книгах:

«Милостивый государь. Вы получите...»

«Что еще? Еще мне хотелось прибыть в Среднюю Азию и зюкать ему в ухо.

«Вы не хотите видеть свою дочь. Ну что ж, когда вы уже стариком захотите, будет уже поздно. Она откажет вамшу жалкую руку, руку гундана и труса. Вас забудет сына лоды.»

Я бросил письмо в ящик, и мне стало легче.

После обеда Алешушка заснула, дедушка тихо зашел «вечерний звон». А мама все нет, я мне дарят так захотелось на рыбалку! Ведь раба нет и приехал. Через полчаса зайдет за мной Томака и можно ехать. А Алешушка, а дедушка, и за молоком надо идти. А ужин? Смеркалось. Дедушка сел перед телевизором. Я включила экран. Дикторша появилась из тумана и сказала: «Добрый вечер».

— Здравствуйте, — откликнусь ей дедушка приветливо.

— Я достал из чулана чулки. Как они спутаны! Конечно, Алешушка постарела. Попробуй тут распутать. Я дергал леску, когда дедушка медленно, тяжело переставлял ноги, подынял.

— Навече месец нарождаются кабаны. Кабы не непогода. Ветер будет. Вы далеко поедете?

- За Волгу.
- Смотри, не опаздай!
- Я не боюсь.
- Ты в бурно-то плаваю по Волге!
- А как же. Сколько раз.
- Волны больше?
- Метра два.
- Ты смери не вида?
- Нет.
- Эк, вот страсть-то! Я повидал...Глаза деда поблескивают.— У нас в пятнадцатом году в степе такой была смерь, у одного мужика конюшню подожгло, сажени двадцать отнесло и поставило. Во какая сила стихия! А ты море вида?

— Видал.

— Тотже стихия.

Дедушка еще рассказывает меня о Волге, о степи, о лоплах, вспоминает, какой был град в двадцать третьем году. Мне скучно. Я боюсь, что он опять начнет читать стихи. Я смотрю на него и только в первый раз вижу, что он ужасно стар. Он подолгу летает. Ходит мало и быстро уходит.

А соседский мальчик, мне меропалась эти окан! И вдруг мне становится совершенно ясно, что никогда больше он не побывает на рыбалке, не пройдет по длинной стеной дороге, не приедет никогда на лошади. Все это ушло от него навсегда.

— Дедушка, почитайте мне стихи...уговорю я скорее.

— Но Алешка поиграет, взгляди его голову. Он топчется на месте и поворачивается уйти.

— Заморился я. Опосол.

Мы с Толкой ставливаем лодку в воду. Я гребу наперед в мерном течении. Солнце опускается за город. Небо холодеет. В сумерках подымает к туче беругу.

...и только как, что асфальт стал мекки. Гордый ветер от прохладных машин окутывал нас с Алешушкой. На той стороне увидели тени. В доминие у них занавески задернули. Шел второй день отпуска. Как же так! Целый год я плавал мимо города, мимо его дома и ждал, ждал. Когда я срублил мажорской, мне меропалась эти окан! Что за чертовщина! Ведь я здесь, и она здесь! Или мне нипелко толову!

Я смотрел на асфальт и чувствовал, как стучит у меня в голове. Асфальт треснул, и в трещины влился стейбан клеови. И тут же, оттого ли, что мне натекло в голову, я сказал себе: ведь она знает, что ты пришел! Значит, там лучше. Я пошел к Алешушке на руки и пошел на ту сторону.

Манькины шаг потюком, и пришлось переждать их. Знал, тем лучше. Я просто войду и просто скажу: «Шел мимо, шел». Желаю вам успеха в спортивных соревнованиях. Я буду говорить ей «вы». Желаю вам успеха. Я скопываю мажорскую долу так сказать. Завявшие послужат нам уроком. Нет... укором... Вам необходимо высшее образование...»

Утром мы привязываемся за лодку.

Свищевый трез долеко летит в воду, вытравивая за собой деэтиметровую мажорскую...и только как, что асфальт стал мекки. Гордый ветер от прохладных машин окутывал нас с Алешушкой. На той стороне увидели тени. В доминие у них занавески задернули. Шел второй день отпуска. Как же так! Целый год я плавал мимо города, мимо его дома и ждал, ждал. Когда я срублил мажорской, мне меропалась эти окан! Что за чертовщина! Ведь я здесь, и она здесь! Или мне нипелко толову!

И совсем не думая об Ирке, что мне о ней думать, просто мне не дают стихи пародов. Она гуляет, кричит, пририво возмать — от тревости, тоски, от весты.

Утром мы привязываемся за лодку.

Свищевый трез долеко летит в воду, вытравивая за собой деэтиметровую мажорскую...и только как, что асфальт стал мекки. Гордый ветер от прохладных машин окутывал нас с Алешушкой. На той стороне увидели тени. В доминие у них занавески задернули. Шел второй день отпуска. Как же так! Целый год я плавал мимо города, мимо его дома и ждал, ждал. Когда я срублил мажорской, мне меропалась эти окан! Что за чертовщина! Ведь я здесь, и она здесь! Или мне нипелко толову!

К подною замирает клевет.
Мы задремываем со своими лесками на пальцах. Дремлет в зное река, и сонные будто замерло... Я вспоминаю Аленушку и Ада. А вдруг мама не пришла? Что там Аленушка делает, когда он сам как ребенок? А может, она заболела? У нее вчера жар был, кажется. И дедушка может заболеть! И каждую минуту может заболеть и даже умереть! Они заболели оба! И дедушка умрет. Умрет один. Ведь он вчера сказал, что уморился. Я скорее вытаскиваю свои лески.

— Толька, мне надо домой!
— Чего это? А уха?
— У нас дома все болелет.
Мы греем в горшочку.
Поднимаются метер, и волны тащат нас обратно. Нас качает, как в хорошей штурм. Плескадонка прыгает и трещит. Ноют ладони и руки. Три часа мы плывем до города, и, когда вылезем на берег, земля качается под ногами.

Дома все нормально. Мама приехала.
Дедушка и Аленушка благополучно обедают. После обеда мама принимается за уборку, купает Аленушку, заваривает дедушке какой-то настой из трав — для лечения.

Все опять налажилось и пришло в движение у нас дома.
Я чувствую сладостное облегчение, точно с меня сняли тяжелый груз. Можно ни о чем не думать, не беспокоиться.

Я ложусь на продавленный наш диван и мгновенно засыпаю.
Когда я проснулся, уже вечер. Моя майка и рубашка выстираны и сохнут на ветречке. Аленушка сидит за столом в чистом платье. Дедушка тоже в новой рубашке. Мама поглядывает на нас довольными глазами.

Равняная чай, она говорит:
— Когда ты сюда, приходила чернышка девочка, Ира, кажется. Спросил тебя. Я ее не узнала; такая стала она алаяная.
— Красавица! — говорит дедушка. — Преле слово.

Я бегу через уланку к домику с тремя окнами. Дома ее нет. Только что ушла, наверное, на остановку. Я бегу на трамвайную остановку.

Еще недалеко и вижу ее.
Она спокойно ждет трамвая. Я подхожу. Это она и не она. Высокая такая девушка. И спокойная. Волосы подняты над головой и собраны в модный стог. Я тоже не такой, как раньше, я не подбегал к ней, как год назад, когда легко было хотеть и держать за руку соседскую девочку. А впрочем, что изменилось?

— Здравствуй, Ира!
— А, здравствуй, рыбак!
Она радостно улыбается — по-прежнему, по-прошлогоднему.
— Я тебя не видела двести тысяч лет. Ты стал морским волком!
— Беремши речную гладь. Выходит здесь, застряла там.
— Не успела приехать и сразу ползла рыбу ловить? Эх вы, мальчишки! — Она улыбается уже новой, незнакомой мне, чужой улыбкой. — Мальчишки! — повторяет она, выткнув губы.

— А вы, девочки, все зубите! — говорю я. — Не можете без штерок? Не можете быть отстоящими ст моды, ни от наука?
— Нет, ты все-таки мальчишка! — возмущается Ирка. — Опять дергаешь меня за косу. А где рыба, которую ты наловил! Мне ты ее, конечно, не привез!

Зачем она говорит со мной таким опереточным тоном?
— Рыбу мы съели, — говорю я. — Свирина и съели. Семья-то большая. Подходит трамвай. Мы садимся.

— Ты знаешь, что я не ответил, — просит Ирка, — болела мама, да и адрес у тебя разный.
— Конечно, Волга большая, — говорю я. — Зачем я сел в трамвай, и куда я поехал с нею? Может быть, она едет на свидание? Вполне возможно.

— Я вообще-то еду на пристань, узнать, когда подойдет наш пароход, — сообщаю я скромно. — А ты куда?
— А я на тренировку, — быстро отвечает Ирка. — Ты не проводишь меня?

Я чувствую себя счастливым мальцом.
Мы выходим около спорторгана. Мы идем молча. Ирка вздыхает, сжимает губы и смотрит перед собой, будто лезает по канату. Такой она была всегда, когда выходила отвечать на экзаменах. Мне становится тревожно. Сейчас она что-то расскажет, и все будет иным; и небо, и Волга, и ее прическа, да и мы сами.

— Знаешь, я тебе не отвечала потому, что тут такое началось, случилось... Он приехал сюда на соревнования... Ты его должен знать по газетам... Он знаменитость. Разве ты вычего не слышала? — спрашивает она меня ишевого и вдруг краснеет, краснеет вся, до кончиков ушей, моргает глазами и отворачивается.

Мы опять идем молча. Ирка встряхивает головой и продолжает весело, бесшумно:

— Я хотела уехать с ним. Знаешь, это, наверно, как острый приступ малярии... Меня все трясло дельными андам. На меня, разумеется, смотрели как на помешанную... Надо мной и смеялись и плакали. В школе обо мне сочиняли анекдоты. Родители устроили из дома крепость. В общем, история в духе Тургенева. Только не получилось из нас Инсаров и Елена.

Мы останавливаемся около входа во Дворец спорта.
— Ты могла бы и об этом написать, — говорю я и тоже краснею.
— Нет. Зачем морскому волку знать о глупых страданиях неудавшейся Елены.

— Нет, уж ты шипи, — говорю я твердо. — Обо всем пишу.
— Ну, до свидания. Летучий Голландец! — смеется Ирка и подает мне руку. Рука у нее холодная как после купания. — У меня тренировка кончится через два часа. Если хочешь, приходи сюда же. Ты мне все-таки расклевываешь о своих странствиях.

Она убегает.
Я еду на пристань и в диспетчерской узнаю, что «Армавир» подходит сверху и мне остается полчаса часа на сборы.

Шейдерик. Встреча Сергея с Романом Ролланом на вилле «Ольга».

“ДРУГ МОЙ, СЕРЕЖА”

Кудашев в военно-учебном лагере.

ЭКОНОМИКИ

Тридцатые годы.

Конференция комсомолец Красной Пресни. Главная комиссия докладывает состав делегатов. По социальному происхождению: рабочие столяко-то, служащие, крестьян столяко-то, прочие — один...

Тут же зал вполголоса:

— Каким это впринципе!

— Делегат родом из дворян,— уточняет докладчик.

В ридях веселое оживление.

— Назови имя! Уж не граф ли?

— Кирилл. Ударник учился. Студент Московского университета Сергей Кудашев.

Письмо

из Швейцарии

«Друг мой, Сереза, благодарю тебя за письмо. Особенно тронули меня последние строки. Ты можешь рассчитывать на мою дружбу...»

Когда человек юн, у него такая потребность в дружбе и любви!.. До тех пор, пока они не придут, надо сохранять себя достойным, и, когда наконец они приходят, надо уметь их взять, но колебаться...

Говорят, что счастье — удача. Но я думаю, что удача большей частью зависит от натуры каждого из нас. В значительной мере сам человек (без сомнения) — причина своего успеха или неудач. При неудаче надо спросить себя: «Не мало ли ты винял в чем ошибаешься? Как бы я постарался избежать ее в будущем?». Иногда случается и так, что мы в данный момент принимаем за неудачу нашу истинную удачу, и для нас оказывается счастьем не достигнуть того, к чему мы стремились. Отдавать свое отче в этом очень полезно, потому что научиться разбираться в себе и управлять (несколько это возможно) своей судьбой...

Тот, кто излагал культу науку самосознания, признается, что привязан к Серезе и хотел бы служить ему опорой.

«Странно кажется, когда это говорит человек моего возраста мальчику, которого он никогда не видел».

В Москву для Серезы посланы два книги — о современной физике и о колебаниях земной коры. Пусть он ответит крестиком в списке «Библиотеки научной философии, какие еще книги хотел бы прочитать. Знает ли он романы Уэллса?»

«Вообще — не стесняйся меня! Говори открыто обо всем, что тебе хочется бы от меня получить или узнать. Друга на то и существуют, чтобы помогать друг другу».

Письмо написано 8 октября 1930 года в Швейцарии, куда, как с горечью отмечает автор, трудно добиться разрешения на въезд. Француз всетаки гостеприимнее и русским. Но придет время, и все изменится! Об этом сказано со сложной, иной уверенностью:

«СССР в конце концов откроет все двери. Будущее — за ним. Хотелось бы только, ради нас, чтобы ему принадлежало и настоящее».

До свидания, мой милый мальчик!.. Когда почувствуешь себя одиноким, скажи себе, что тебя любят и о тебе думают.

Твой друг

Роман Роллан.

Одиночества не было

Я сижу в кругу друзей Серезы.

Самая большая моя радость не в том, что не удалось-таки развязать и вот они рассказывают мне интересные вещи о Кудашеве. Важнее

было убедиться, что ничего исключительного в этом убедиться нет.

С первого-то взгляда как раз наоборот.

Кирилл. Последний в роду Кудашевых. Предки знамениты. Сергей Данилович Кудашев получил золотую медаль из рук Кутузова. Его брат, Александр Данилович, партизан Отечественной войны 1812 года, воспитан Жуковским.

Сереза родилась в России в тысячу девятьсот семидесятом году. Воспитывался у бабушки.

Его мать, Мария Павловна Кудашева, стала женой Романа Роллана.

Узнавши впервые о письмах Роллана к сыну Марии Павловны, я почему-то проникся убеждением, что перед глазами французского писателя был советский юноша, в определенное время отразился, как в простом окошке стелле гроза.

Что он был такой, как все. Среди учеников 9-й школы Фрунзского района, среди студентов механико-математического факультета и аспирантов университета, среди командиров и бойцов артиллерийского полка.

Как все комсомольцы тридцатых годов. Как все современники промприпална, продовольственных наркомов, спасения члениковцев и гибели стратонатов.

Как все, кто в первый раз слушал Прокофьева, в последний раз видел Горького.

Как все, стоявшие у касс кинотеатров, когда шел фильм «Если завтра война», и в дверей вошелкомат, когда война началась.

Милые тридцатые

У каждого времени есть свой колорит. Вот что сказал один из сверстников Кудашева, Меркулов, о той эпохе:

— Убежденности, веры было что отбавлять Молодоту Сереза — тридцатые годы.

Суботники. Газбирют дома на Маневской площадке. Трудно ходить на трамвайные платформы (трамвай тогда горделиво поозвонив в самом центре Москвы).

Отягря и Май. Накануне ночуют у друга в первом и втором этажах университета. Утром лобзуют друг друга на кони: «Да здравствует студенчество, вооруженное пролетарской винтовкой!» (Шля через Красную площадь каждый в своей одежде; только ремни бы казенный.)

Студенческий и борющийся мир.

Как прежде на «Чапалева», по пять раз ходят в киногородки, чтобы увидеть ретротронский склятый кулак, отчаянные баррикады Вены, старую историю под первыми фашистскими бойками.

«Когда Роман Роллан читал письма Серезы Кудашеву или приглядывался к нему (в дни Серезиных путешествий во Францию и Швейцарию, во время своего приезда в Москву, к Горькому) он позавнал не только родственника.

Едва ли кто-нибудь так интересовало тогда Роллана, как духовный облик нового общества. Величье нравственных результатов великого социального переворота он ожидал страстно.

Нельзя к сыну Марии Павловны, ставшему его сыном, спилась с бережливой и пытливым вниманием к человеку тридцатых годов.

Окружением Роллана Сереза сдал аступительные экзамены в МГУ и сообщил об этом Роллану. Тот ответил, что рад успеху и что теперь Серезе открыты «трудная жизнь, интересная и полная. Это в высшей степени. Скажем, являюю оно в наше время» — когда три четверти молодого поколения Европы бродит без цели, без работы и без надежды...»

Роллан рассказывал: «здесь в Женеве, был свидетелем поступления СССР в Лигу Наций. «Победа была потрясающая!»

В Советском Союзе он побывал в следующем году. После поездки писал Серезе (7 ноября 1925 года):

«Дорогой друг, поздравляю тебя со званием ударника. Это меня очень радует, так же, как и твой интерес к социализму. Любишь? Я думаю, твой душевный покой и удовлетворенность будут тем выше, чем активнее ты станешь участвовать в общественной жизни...»

Роллану, когда он был в Москве, слали письма с завода и из деревни. Они свидетельствуют о вере, радости, трудовом энтузиазме, об уверенности и надежде, которых не найти ни в одной стране мира в этот исторический момент.

Поток светлых убеждений писал Серезе — Роллан видел это. И старался помочь юному Владимиру бывать твердый характер, в который энтузиазм вливался, как в мотор — горючее.

«В жизни нужно подчиняться дисциплине и делать то, что необходимо, легко это или трудно...» «Потребуй от себя точного выполнения того, что ты решил, не отлынивая и не уклоняясь». (Письмо от 30 августа 1925 года.)

Самодисциплина — непрерывное требование роллановского гуманизма. Школа советской жизни и роллановская нравственная проповедь не протобавлялись, они тесно боролись на стороне Человека и человечности.

Роллан нам всем привнес нравственного роста. Чем служили для Серезы Кудашева его письма, тем для советского юношества были «Мен Кристово», «Снарванная душа», «Его Брюно», статьи против фашизма, в защиту СССР. И мы знаем, что каждому из нас Роллан мог сказать то, что написал Серезе (в декабре 1927 года): «Я ощущаю в глубине души, что очень близок тебе в вопросах, существенно важных и личных, хотя мы с тобой об этом и не говорили!»

МГУ

Студент знаменитого МГУ, насчитывающего до войны семь факультетов и около пяти тысяч студентов, прежде всего математик, химик, физик, а уж потом биолог, поэт и артист.

Придется поэтому написать об учебных занятиях, хотя это и считается скучной материей.

На экзаменах МГУ были люди, которые учились лучше Кудашева, Братиского, например. Но и для Серезы учеба не обязанностью была, а увлечением.

И в довольноную пору хватало лекций, томительных и ненужных. Учебная аудитория подчас неведомая, как трамвай. Однако на летней канулярной дали уже танул к себе, как родной дом.

Летом 1929 года Сергей писал бабушке:

«Я живу в Veseloy, отдохну, беседуя с Ролланом...»

—Здесь очень красиво, только скучно (как мне всегда бывает за границей).

Я уже скоро приеду — к 1 сентября.

Начинались занятия. Сергей садился за книги, за опыты. Специальность была для него не складом, уже добытых знаний, а рабочим полем.

Кудашев и Меркулов вместе делали курсовую работу — по крыльям малого удлинения. Их руководителем был любимый профессор Владимир Васильевич Голубев.

Самостоятельно ставили эксперимент в аэродинамической трубе. Получили интересные результаты. За Кудашевым, когда он был принят в аспирантуру, закрепили эту тему. В. В. Голубев уже после войны ссылался в своей статье на выводы студентов.

С Кудашевым-студентом в расправленную его друзей по МГУ. Они в один голос утверждали, что Сереза была такой, как все. Признавались, что о первичике с Ролланом не знали, Сереза об этом не говорила, видно, не желая влиять себе иному. Не слышали и о приезде. Конечно, на собраниях, когда принимали в комсомол, он сообщил о своем дворянском происхождении. Знали, что позднее он эмигрировал за границу. В остальных — самый обычный вассальный парень...

И ничем не выделялся!

Михаил Анзиевский:

— Разве вот внешне! Он среди всех университетских один ходил в голфаш. Тогдашние студенческие брюки — производственные, а тут — голфаш! Мало того: компания куртка на «молнии!» «Молния» была совершеннейшей новостью.

Абрам Бушманин:

— Ожидая он выделялся не меньше, чем лицом, сложением. Красавец. Девушки, как говорится, кумалирши.

Михаил Меркулов:

— На Кудашеву не смотрели, как на особую личность. Самый настоящий из немцев. А наша судьба — труд, упорство. Мой отец в двадцатидесятом умер от тифа, мать была уборщицей, пришлось идти работать. Шесть часов на стройке метро, шесть часов на работе — ежедневно. Наপর в учебу, упование общественной работой. Кудашев разделял это со всеми нами. Помогать он только был образованней нас. У нас, если теперь рассудить, были односторонне совершенства.

Анатоль Пилотки:

— Я считаю так: это был настоящий представитель нашего поколения.

Молодой, но женатый

Толстой начал «Анну Каренину» словами насчет семей счастливых и несчастных.

Оглядываясь теперь на так называемый семейно-бытовой роман (он-то и был чаще всего романом социальным) можно заметить, что картинные семьи счастливых своей идеей привлекали писателя. Может быть, именно потому, что они похожи одна на другую? И всякий раз особенное несчастье семьи несчастной позволяло зачеркнуть из реки народных страданий.

Как бы то ни было, картина беззастенчивого союзе двух молодых людей труднее. Хорошо бы дожить до такого времени, когда несчастья станут неинтересно одинаковыми, а семьи — счастливые каждая по-своему — дадут неистребимую пишу писательскому перу.

Я знаю, что семейная жизнь Сергея и Тани Кудашевых была счастливая. А не знаю, как об этом написать.

Спрашивал ли я у Татьяны Николаевны об их с Сергеем разводе? Конечно, не спрашивал. Может быть, они и были. Но уверен (тридцатые годы я знаю не понаслышке), что Кудашевы считали главным свободой от эгоизма, то, чему в ту пору сказала Маргарита Арапова: «Два человека не законно счастливы на раздельном острове».

Конечно, это высочайшее и простейшее правило человеческих отношений незначит делать привилегией тридцатых годов. Как не принадлежат одним Кудашевым и то обстоятельство, что родились из союза полковника и девушки.

Мать Сергеев уехала за границу в 1930 году. Четыре года спустя вступили в брак Роман Ролан и Мария Павловна Кудашева. А в 1935 году стали мужем и женой Сергей Кудашев и Татьяна Мукулова.

В письмах Ролана появляются такие строки: «Мы сами вполне шлем наши нежнейшие поздравления».

«Обнимай за меня свою милую Таню».

«Если у меня есть малейшая власть над тобой, то я передаю ее Тане, чтобы она по-матерински смотрела за своим взрослым мальчишкой».

В числе университетских друзей Кудашева были выпускники средних школ, его одноклассники, друзья двух-трехлетиями старше его — паровозный машинист Пилотки, рабочий-обувщик Кармишин и другие рабфактовики. Но и среди этих не все были семейные.

А Кудашеву был молодой и женатый.

Он ездил к ребятам в общежитие на Стромашку, они — к нему домой. Частенько Таню не заставляли: танцовщица Кудашева вечерами была занята.

Сергей — рента

Это без матерю. Сергеев называется притом. Он.

Обнаружили его, когда водили пальцами по карте, выбирая, куда бы в зимние каникулы махнули на лыжах. Указательные пальцы принадлежали Кармишину, Кудашеву, Казанскому, Меркулову, Мухомину (ныне Меркулову) и Карандасову. Кудашеву предстояло быть в поезде старшим. Когда на карте встретился ния командира, сразу же постановили: надо побывать у этой реки.

Совещание происходило на Моховой, в старом здании университета, на «погубятине», как называли тогда под своей карательные подразделения комсомольского бюро мехмата. Обсуждению подверглись, помимо маршрута, питание и снаряжение. Лыжи и лыжные костюмы казанные. Кудашев выделялся: у него были настоящие крепления.

Другое его отличие выразилось в том, что он, когда отправился в путь, везал на свои плечи самый тяжелый рюкзак.

От Алашань до Мурома прошли 250 километров. Натерпелись всякого (нижние не лыжины мы, просто жажда двигаться!) — рассказываю теперь, — насмотрелись чудес заснеженной средне-русской природы.

Был еще поход — байдарочный. Целый месяц в физиологическом зале собирали байдарки. Сергей винтил, должно быть, тысячу шурупов — а кровь сбива ружь. Но главным сборщиком были Николь Балабанов и Евгений Горбатов. Точнее с пятилетним стажем, Горбатов до университета работал на «Шарике» (так ласково называли Первую подшинниковый завод) и, как ударник, имел премиальную триступенчатую.

В прибрежном селе поселился. Из одного котла чай, потом чай. Потхалили.

А затем, на берегу, Марк Братский придумал гусь. Когда Сергеев об этом, его от возмущения переступил. Марк, его лучший друг, сплюсновенно оципывал гуся, сбрасывая перья за борт.

От места протупления удавались быстро шли валяющиеся. И вот уже плавал, кистер. Вдруг у Сергея расширился глаз: по воде в медлительном кружении надвигаются перья. Три дня подряд, сломанные течением, они настигли их. Как возмездие.

Но этот гусь был единственным пятном в их биографии. Как ни странно, белым пятном.

Военная источина

Уж что было в Кудашеву родового, доирского, так это пристрастие к военным занятиям. Интерес к военному делу у нас пробуждали герои гражданской войны, пламаты Оссовскаима, имена тридцатых годов — массовый парашютный и планерный спорт.

Кудашев вдобавок будто и родился военным. У него была не кампанейская, а живая и потому устойчивая любовь к военному делу. Занятия на военном кафедре интересовали его не меньше, чем занятия по специальности. Сергей и его товарищи учились в университете лишней год. Зато их выпускали из МУГ командирами запаса.

Летом они уехали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь. Будущих лейтенантов командировали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь. Будущих лейтенантов командировали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь.

Летом они уехали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь.

Летом они уехали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь.

Летом они уехали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь.

Летом они уехали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь.

Летом они уехали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь.

Летом они уехали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь.

Летом они уехали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь.

Летом они уехали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь.

Летом они уехали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь.

Летом они уехали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь.

Летом они уехали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь.

Летом они уехали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь.

Летом они уехали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь.

Летом они уехали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь.

Летом они уехали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь.

Летом они уехали в военные лагеря. Это было одновременно очень здоровая (лес под Горьким) и очень тяжелая (выучка в конной артиллерии) и очень веселая жизнь.

Прислуд

«Будительно прошу тебя», — писал 8 сентября 1932 года Ролан пятнадцатилетнему Сергею, — обращается благодарно со своим силами (финансовыми и умственными со своей не злоупотребили ими, кроме так исключительных обстоятельств, когда финансовое собрание заставляет бросать в бой и все армиею, и резервы. Наверняка придет для тебя время их использовать. А до тех пор береги».

Это время прислуд.

То, что в письме Ролана было литературным уподоблением войне, стало своей войной. Прислуд и умение сберечь ее — это умение выжить в ополчение. Ушел и Сергей. От Тани потребовал: если придет повестка, размыкать его, где бы он ни был.

— Тая пришла Сергеев к районному комиссару. Третье военное пятно чай из железных кружек.

— Я женился Сергеев Кудашеву. Он в ополчении. Мне приказали, чтобы я во что бы то ни стало свазала его с вами.

— Ну, если он такой же решительный, как и вы, мы его отдадим вытацим.

Уходит на запад Сергей, уезжает на восток с ансамблем Моисея Тана. Ей вдобавок летит его письмо к Сергееву, в Иркутск. Длану страны вымерят ничтожа между двумя сердцами. Дошло до него хотя одно ее письмо? Она не знает. Его письмо? — вот они.

5 сентября 1941 года: «Я все время вынашивала мыслью и тебе, моя дорогая, к счастливым дням, которые мы с тобой прожили. И когда вспоминаю тебя, я все равно-говною нежность и грустью».

10 сентября: «Настрение у нас бедное, только мы обнимаемся, что нас до сих пор придеривают и не пускают в бой».

27 сентября: «Я еще сик пор в боях не был, что меня чрезвычайно смит».

«...Ты слотри, не забывай меня...»

Сейчас сижу в поле на вышках со снарядми. Рядом обитает Савардосов, а Иркутск. Длану страны вымерят ничтожа между двумя сердцами. Дошло до него хотя одно ее письмо? Она не знает. Его письмо? — вот они.

— Я с вами Сергеев был в бой. Нишу часть солдат, командиров поубавило. Кудашеву поставили за старшего. Он вывел нас из окружения. Во второй раз нас окружили. Мы пробивались вместе с Сергеем. Меня ранено, и только вынес меня из боя. Отпавила в госпиталь, всотрапился на фронт. А что стало с Кудашевым, не знаю.

Екатерина Васильевна пополнилась ему: — Вот Сергею придет, сам все расскажет...

И отпустила, не спросив ни имени, ни адреса.

Помню, что в письме Сергеев писал: Будем надеяться, что нейдутся и расскажем о Кудашеву одноположен — те, кому писали на фронт:

«...Всестоящая армия.

Полвека почта, 33.

Артылок, 2 дивизион, 6 батарея».

Правдиво, как легенда

— А в нашем кругу, — сказали мне Сергеевны товарищи, выслушав, в свое очередь, все, что о нем разузнал, — считалось, будто погиб он 2 мая 1945 года в Варшаве, Героями Советского Союза. И davvero точно было, что в самый канун победы...

Что ж, дорогие друзья, по-своему и это правда.

Ибо та правда, которую мы когда-нибудь узнаем, все равно подобна легенде.

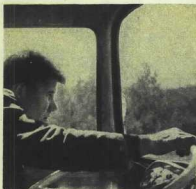
Я буду писать все, что помнит его, и каждый листок бумаги, который может о нем рассказать. Открою и некоторые черты, родившие его с другими. И отличившие.

Но а уже вижу главою.

То, что в нем искра и шепел Ролана. Вижу в Сергеевном и умение сберечь ее — это умение выжить в ополчение. Ушел и Сергей. От Тани потребовал: если придет повестка, размыкать его, где бы он ни был.

В людях семидеятного года, когда Сергеев Кудашев родился. Сорок первого, когда он погиб.

И в поколении шестидесятых годов, наших современников.

В. ЛЕВАШОВ

Фото А. ЛЕХМУСА

**РЕПОРТАЖ
ИЗ КАБИНЫ
ДОРОЖНОГО
ЛАЙНЕРА**

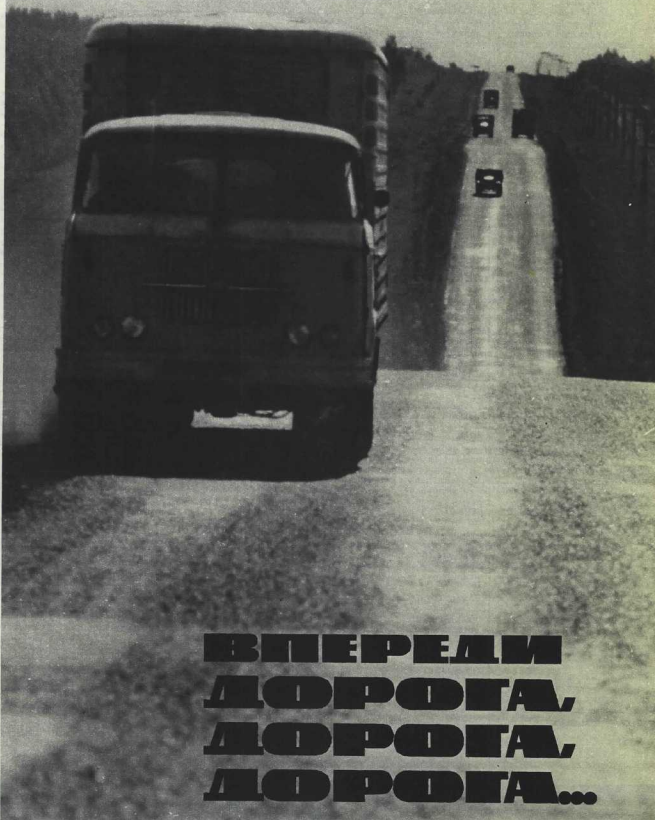
Москва проводила нас сверканьем магазинных витрин, сияющей дымкой отработанных газов и опасной суетою «Москвичей», «Запорожцев» и «Волг», которые даже здесь, уже на трассе, все коровили, по московской привычке, втиснулись в любой просвет между нудными впереди машинами, обогать, обойти, рвануть вперед — сэкономить хотя бы минуту-две.

Бот уже остался позади элгантный кэмплинг на кольцевой дороге, вот уже последний из оголтелых мотоциклистов сделал правый обгон и был остановлен постом ГАИ.

— Аиксу рубль, — констатировал Андрей Карачев и включил пятую скорость.

Так начался наш рейс по маршруту Москва — Ростов — Ярославск — на юг...

Для того, чтобы переоценить привычное, примелькавшееся, нужен особый объект сравнения. По любому лет изо дня в день ходишь по своей улице и не думаешь о том, велика она или мала. Улице как улице. Но однажды вдруг чувствуешь, что она изменилась, никак не можешь отделиться от ощущения скованности, стесненности, словно бы меньше стали и машины, и дома, и ты сам, точно вышел на знакомую улицу прогуляясь слон и принизил, измельчил все одним лишь своим появлением. И непроизвольно задерживаешь взгляд на сербистой, трюмадой машине, что плывет, отфыркиваясь, в потоке автомобилей, как баржа среди катеров: неторопливая, неуклюжая с виду, благодушно-модельная. Радиатор вровень с ветровым стеклом, двадцатиметровой длины фургон с прорезями холодильной установки. Вдоль

**ВПЕРЕДИ
ДОРОГА,
ДОРОГА,
ДОРОГА...**

фургон надписи: «Межавтотранс». Над пробкой радиатора другая: «Шкода».

Москвичи не удивились машине, какой день они видят и двадцатитонные «КРАЗы» и плоские, как клопы, элегантно-законченные «шевроле» последних моделей. И все же, когда мы, пробравшись с порганами к месту встречи с экипажем второй «Шкоды», заблудились в улочках Крестьянской заставы и уткнулись в туман, на углу немедленно образовалась компактная толпа и стала обсуждать, развернемся мы на платане пуштыра или нет. Собственно, спора не было:

— Куда там! Та-а-акой бегемот! Теперь ему задом сдавать до самой Таганки!

И вдруг этот бегемот, все так же благодушно пофыркивая, как бы сломався пополам, и передние колесо, обжевав задние, вынесли кабину прямо к толпе.

— Как нам, граждане, лучше к Варшавскому шоссе?

И пока Андрей Карачев уточнял маршрут, два подростка с увлечением обшаривали нашу машину.

— Смотри-ка, два там и столько можно.

Да, можно развернуться на крошечном пятачке. Можно загрузить в фургон десять тонн сельскохозяйственного груза. Можно и спать в подвесной кровати над задним сиденьем, пока товарищ ведет двадцатитонную машину по городкам и весам. И Смотри-ка, два там и столько можно. Да, можно развернуться на крошечном пятачке. Можно загрузить в фургон десять тонн сельскохозяйственного груза. Можно и спать в подвесной кровати над задним сиденьем, пока товарищ ведет двадцатитонную машину по городкам и весам. И Смотри-ка, два там и столько можно. Да, можно развернуться на крошечном пятачке. Можно загрузить в фургон десять тонн сельскохозяйственного груза. Можно и спать в подвесной кровати над задним сиденьем, пока товарищ ведет двадцатитонную машину по городкам и весам. И Смотри-ка, два там и столько можно.

Вот на таких машинах мы ехали. Серпухов встретил нас совместно предавчерной Оми, прогрозотал под колесами брусками деревянного настила, погрузился в темной воде медленными огнями на зраках нового, но достроенного еще моста. Туда обала лобовое стекло белой туманной пеленой и дымами марлевок: казались, вся земля курится в лучах закатного солнца, как только что вздыбленная плугами зыбь.

А дорога все выстреливает в нас пальцами «Волгами» с туристскими шарбам, увертываясь в бразент, длинники экспресс-автобусами, исполосованными косыми струями южных дождей, «ЗИЛами», «МАЗами», «ЯЗами».

Лес, прокат, сталь, резина, визжащие пороса, бахенный кран на двоявонной платформе, явукста, бочки с вином, бутылки кабелей, трубы, кинтабейеры, ящики с надписью «Не кентавать»...

Плотный сетью проселков, грунтово-профильных шоссе и тропинок, автострада похрыта зямля. Но выделяются среди них, как артерии среди

Снимки комментирует Евгений Колесников.

капилляров, дороги самые мощные, самые широкие. На них особенно остро чувствуешь, какой тугий узел, какой неразрывный организм представляет собой страна. Прерыв эту нить, затерянную среди черноты лесов, озимей и садов,— и заглохнет город, остановится жизнь.

Вот по такой дороге мы ехали... Короткая остановка. Славянск. В гостинице мест нет и не предвидится. Стук каблук о тугие скалы. И снова налетают спереди на бешеной скорости ступни огня, расплавающиеся в длину полосы света, поднимаются и уходят, уходят назад, в ночь. И снова — полумрак кабины, тлеющая сигаретка и подвешенное приборной доской лицо...

«Есть пилоты, которые летают, потому что нужно летать. А есть пилоты, которые летают, потому что не могут не летать» — из таких получаются асы». Эту фразу прозвучало в случайном разговоре со мной начальником одного из авиаотрядов. Видимо, то же самое можно сказать не только о летчиках.

Андрею Карачеву и Николаю Горюнько — немного за тридцать. Женев Колесникову и Юрию Кириченко — много до тридцати. Они очень разные и по складу характера и по манере одеваться. Но стоит любому из них сесть за баранку, сменить напарника, и слово бы исчезает, становится негласным внешним их несодество. Тот же внимательный-спокойный взгляд, те же точные, легкие движения. Собственно, движенья почти не замечаются. Человек точно бы спокойно сидит на водительском месте, руки его спокойно и неподвижно лежат на пластике рулевого колеса, а все делается как бы само собой — меняется резина, переключаются скорости.

Но это не одиозность автоматом. Мне случалось проделывать по порты и два тысячи километров на автобусе, в легковом автомобиле,

однажды даже на мотоцикле, но в первый раз, пожалуй, поездка была наполнена таким творческим азартом, таким профессиональным и человеческим интересом ко всему, что происходит на дороге, — ни капли равнодушия к привычному вроде бы процессу. Нужно ощущать машину частью себя, чтобы так ее вести, без рывков и торможений (каждый рывок, каждое торможение — это не только потеря времени, это и перерасход горючего, повышенный износ двигателя и драконовской резины); нужно чувствовать, как работу собственного сердца, что момент, когда вот-вот начнет уменьшаться скорость, небрежная на спуске, чтобы ни секунды раньше, ни секунды позже подвдвигать машину двигателем и вынести ее на гребень холма.

Посвященному много кажется тот факт, что большую часть пути мы проехали на четвертой и пятой передачах,— и это на забитом, напряженном шоссе! И это с полной нагрузкой!

Самые посвященные — шоферы. Вот потому-то водителей-междоуездников встречают на стоянках уважительными, а порой чуть завистливыми, внимательными взглядами, почему без лишней надобности не задержит их опытный автоинспектор. Право, очень приятно было ощущение причастности к ним, когда на одной из контрольных проверок клинута милиция при виде всех нас сказала: «Такие молодые, а уже на таких машинах!»

И не первый год.

— На недоаждет? — спросил я как-то у Жени.

— Устаешь, конечно. Но потом опять гинет.

— Да, есть шоферы, которые ездят, потому что нужно ездить. А есть шоферы, которые ездят, потому что не могут не ездить.— вот из таких водителей получается асы, вот с такими водителями мы ехали...

Своей особенной, но похожей ни

— Это мы с Андреем едем в закусокную, пока она не закрылась на парковку. А то потом где поесть? Есть столовая — нет стоянка, есть стоянка — нет столовой...

— Хорошее кафе. Бюджет их на трассе побольше, шоферы не выгадывают бы такими заблудными...

на что жизнью живет дорога. Это государство в государстве — страна, ограниченная большими столбиками вдоль обочины, страна с воздушными населением более чем в сорос миллионов человек, со своим языком (пойми-ка без перевода, что шестерка — машина с шестидесятилошадным двигателем!), со своими законами — писанными («Правила уличного движения») и неписанными, со своим аппаратом контроля и принуждения (ГАИ), со своими проблемами...

Между Москвой и Курском на наших глазах два шофера перепелили фуруны — в частом поле, на пронизывающем ветру, в сте метрах от предрасного гаража.

В другой раз мы наблюдали, как какой-то шофер-неудачник лежал под машиной на асфальте, брошенном на холодную землю, и ковырялся в кармане. И тоже рядом с очень приличной станцией технического обслуживания, в которой и теплые боксы, и удобные ямы, и опытные автомеханики.

Странные люди, — заметил я. Почему бы им не воспользоваться гаражом?

— Они не странные, — не отрывая взгляда от дороги, отзывался Андрей. — Они чужие.

— Кому чужие?

— Гаражу. А гараж — им. Из разных ведомств... — И, помолчав, добавил: — Хорошая дорога, лошади бы ей!

«Дорога не имеет хозяина» — об этом мне говорили и на самой дороге, и позже — в Ростове, и в Москве. И в Ростове, и в Москве, и на самой дороге с завистью ссылались на своих конкурентов — железнодорожников, которые вследствие единого подчинения избавлены от множества неприятностей. Да и не представляли железную дорогу иначе. Хорош был порядок, если бы дело в Орле отказалось выполнять ремонт московских локомотивов, а сцепщики Мценска равнодушно смотрели бы, как харьковские машинисты бегут вдоль состава!

На шоссейных же дорогах именно так. А здесь условия — во всяком случае, на крупных автострадах страны — такие уже разные.

Не под силу «Мегаавтотрансу», как впрочем, и любой другой организации, эксплуатирующей дорогу, уставить всю трассу своими станциями обслуживания, своими гостиницами, своими стоянками и кафе. Да и нужно ли это? Не правильнее ли сосредоточить все это в одних руках, с тем, чтобы пользоваться в услужении. Когда все водители — вне зависимости от ведомственного гражданства! А уж эта организация, кстати, взяла бы в дальнейшей работе трудиться бороться и о том, чтобы заправочные станции, стоянки, гостиницы и закусочные были сосредоточены в одном месте, а не расставены по трассе на расстоянии в десятки километров друг от друга.

Дорога — это государство, но и со своим государством, но и со своим

— С милицией мы связаны тесно. Ей без нас нечего делать. А нам она нужна для защиты от разбояков и немного — от самих себя.

— Все — разоружились. Завтра — профилактический ремонт. А там — снова в дароу...

вой армией, вооруженной полсотнями жемалами и звонкоголосыми свистками. «С милицией нас водой не разольешь», — сказал по этому поводу Женя. — Без нас, шоферов, ей нечего делать. А без нее нам тоже нельзя: нам нужна защита от разбояков и немного — от самих себя.

Водители и автомеханики — два постоянно враждующих лагеря при всем уважении, которое они испытывают друг к другу. Казалось бы, междугородники — профессионалы самого высокого класса — не занимать им опыта, ни хладнокровия. И все же не обходится без нарушений, без аварий. И это вовсе не потому, что они лихачи в душе.

В кузовах наших машин было двенадцать тонн медного проката для Новочаркасса и семь тонн стали для Ростова. Грузы не срочные, и скоропортящиеся им не назавось. И все же, как только мы пересели границу Москвы, начался именно бросок.

Короткая ночевка в Орле, короткая ночевка на базе близ Артемовска — в три часа пополуночи, ровно через двое суток, апереди замаячили телебашни Ростова. В темле, взлетом нашими экипажами, было, наверное, и желание показать журнали-

стам, что такое настоящий срочный рейс. Было, конечно, влитанное уже в кровь стремление делать работу так хорошо, как только можно.

Но было и нечто иное...

— Думешев, от хорошей жизни мы гоним! — спрашивал Андрей, выходя на обгоне за осевую линию. — А что делать? Судя сам: нормальный рабочий день — 14 часов. Норма в час — 40 километров. А разве на круг по 40 километров получится! У нас же не тракторы! Да дорога забывает. Сам вилду — через город по два часа пробираться. А план есть план. Вот и выбирай: либо перерабатывать, либо, где можно, жмать на всю железку!

Как правило, и перерабатывают и жмутся.

А в результате: подвело утомленное зрение, замешкалась усталая рука и...

Не теперь ли настало время для беспределительного упрощения норм, для кардинального разрешения проблем, одинаково волнующих и опытного «междугородника» и парнишку-шоферана, который первый раз выбрался со своим грузовиком на бетон из глины колхозных проселков? Трудно предугадать направление, в

котором должны идти поиски оптимальных решений, — слово за учеными, экономистами.

...Лес, прокат, сталь, бочки, станики, контейнеры, ящики с надписью «Осторожно — стекло» — с шестестом, свистом, с ухмылкой отряженного от встречных машин рева собственного мотора летит под наши колеса, разматывается бетонная лента шоссе. Березовые перелески сменяются полянами, голубые мазани вытесняют потемневшие от дождя брусничные срубьи, мягкость среднедревесных лугов уступает место бурой равнине. И вот уже поплыли по сторонам туманные терриконы, забелели известняком дождевые отвалы, — мы входим в придонские степи.

«До Ростова — 150 км.

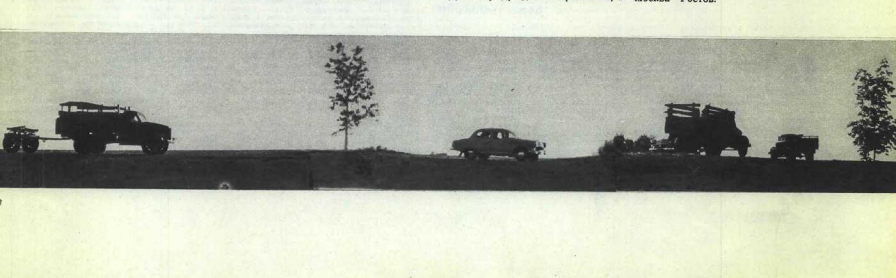
«До Ростова — 100 км.

«До Ростова —...».

Позади — полторы тысячи километров. Впереди — состав уже близок: отдал. А потом — новый путевой лист и наименование груза с пометкой «срочный»...

Счастливого пути вам, ребята! Счастливого пути!

Москва — Ростов.

Один из последних снимков Патриса.

17 января исполнилось пять лет со дня злодейского убийства великого сына Африки Патриса Лумумбы и его боевых друзей Олекто и Мполо. Уничтожив руками своих марionетко-премьер-министра Рунгитонго, империалистические круги установили в этой многострадальной стране проколониаторский, диктаторский режим. Мобуту, Нендака и прочие, находящиеся сегодня у власти в Конго,— это те, кто вместе с Чомбе подготовил и осуществил злодейский заговор.

Политиздат выпускает книгу-памфлет Бориса Пилляцкого «Оборотни из джунглей» о политической карьере нынешних правителей Конго, участников убийства Патриса Лумумбы. Мы публикуем отрывок из книги, рассказывающий об обстоятельствах трагической гибели нашего земляка.

Борис ПИЛЛЯЦКИЙ

В этом 1964 году, возмужавшим с благоговением своих законных хозяев из марксистских кругов в Конго, Чомбе при поддержке Мобуту, Нендаки и прочих премьеров кресло «Кроуна», как его охотно именовали члены борющейся центральной администрации, наполнил на себя тот же умиротворенный и выразитель общенациональных интересов страны.

Какется, премьер-министру Конго не худо бы изобразить на себя отча-

нации и великого гуманиста! Памфлетист Чомбе пугается на повзвонит — объявляет амнистию и освобождает Антуана Гизенга, долгие месяцы томившегося в заключении на пустынном, заболоченном острове Волабема. Вместе со стойким борцом за счастье конголезского народа да Леопольда декарна, смотрите, его поддерживает самый близкий друг и продолжатель дела Лумумбы!

Лишь невольнический премьер да его приближенные знают, что Гизенга насильно усадили в автомобиль, чтобы немедленно подхватили сенса-

цию и развели по миру. Проходят короткое время, и Гизенга, осудивший конголезский режим, снова оказывается за решеткой охраны. Опять конголезцы, как и миллионы людей в разных уголках планеты, будут спрашивать: «Где Гизенга? Что с ним?»

Но пока идет первый акт спектакля «национальное примирение», и Чомбе отправляется в Станливиле. Этот город на северо-востоке страны, традиционный оплот патристических сил, видел немало растоптанных и горючих событий. Отсюда руководил революционным правительством Антуан Гизенга, именно в Станливиле пытался прорваться беглый из-под ареста Патрис Лумумба. Он все же достиг города. Киванши скульптор поднялся на одной из городских площадей как символ непокоренного Конго, свидетельство несрушимости и подлинной свободы и независимости: за стекленной стеной высокого белого прямоугольника портрет во весь рост. Правая рука Патриса поднята, левая лежит на цветном глобусе.

Итак, Чомбе отправляется в Станливиле, скоробно спешит у подножия памятника Патрису и возлагает венки к дощечке с надписью: «Освобождает Конго премьер Патрис Зиеви Лумумба. Его независимости и доброты. Убит 1 января 1961 года в Катанге». Вряд ли можно представить себе более жалкое воплощение негустости и лицемерия, чем колоритно описанный убийца с цветами у памятника своему мучителю!

Много слов и сил потратил Чомбе на то, чтобы сшить с собой странную одежду, переодеться в тот же костюм на друга. Когда 13 февраля 1961 года его близкий и доверчивый тогдашний министр внутренних дел Казанга Габуруа, мунгого официальной объявил, что Патриса Лумумбы больше нет в живых, он лично добавил: «Конечно, нас обманят в том, что его убили мы. На это я отвечаю: докажем!»

Да, палачи и заговорщики постарались замести следы своего кровавого преступления. Уничтожив документы, устранив опасных свидетелей, Лумумбу и его боевых соратников убили в Катанге, в Зикзабелате. Знают, однако, цель замысла: был на Чомбе и его окружении. Но как распределить ролю убийц, кто был исполнителем злодейского приказа, когда-нибудь выяснится ли? Чомбе не только на эти вопросы можно было дать лишь предположительные ответы.

И вдруг 31 января 1964 года в Брюсселе взорвалась бомба. Белоголовый премьер Лумумба пап началца явно инспирированное инвертирование ситуации, взятые на ус президента Катанга на марксистской являе «Каунситу». Чомбе не только излагал знакомому журналисту новую версию убийства Лумумбы, но и рассказывал о многих деталях заговора против законного правительства Республики Конго.

Принцип столь неомедленной словоточности нетрудно было разгадать. Готовый и испаренному в Конго и понимая, как безразличны к делу Лумумбы, еще со обещания тангангйского оборотень, решая выгородить себе, а не извратить Лумумбу и №. Быв обинюки Чомбе заявил в интервью: «Я хочу передать свое мнение в политической жизни моей страны. Почему я решил говорить?»

Но эти откровения не понравились белгийским властям. Ослепелый инстинкт премьер наступил на любимую мозоль». Выбелая, что тогдашний министр внутренних дел не только одобрил план убийства Лумумбы, но и инспирировал его, Чомбе выступил против законного правительства Конго, инспирируя «авантюру начала», отрывая заговорщиков зеленую улику.

В воздухе запахло крупными политическими скандалом. По распространению белгийского мнения Вервейлена еженедельный «Пурту пап» вынул из себя следующее:

«Через несколько месяцев Чомбе ушел в некро полевая и, как это делало оническое, постался заставить напомним, начатую им в чисто спелу Чомбе называю его в числе участников премьер-министра Сирила Адулу (Чомбе называю его в числе участников убийства Лумумбы), то он послещил выступить с опровержением, многозначительный заявил: «Чму было лучше молчать о вещах, о которых он знает слишком много...»

Адула обещал пригнать Чомбе к ответственности за клевету и возбудить дело в суде. В свою очередь, министр юстиции Жюстен Волюбо сообщил о решении конголезского правительства провести самое тщательное расследование гибели Патриса Лумумбы. Это обязательство постарались предать забвению. Не со стоялся и суабийский процесс, который Адула грозился возбудить.

В дальнейшем интервью Пьер Да-вистер прямо спросил Чомбе: — Смогли бы мы заставить в точности день или хотя бы период времени, когда вы впервые посетили в плане устранив бывшего премьер-ра (Лумумбу). — Б. П11 По устранив... — И я все отлично помню,— перебрис Чомбе Да-вистер.— Я не знаю, когда Чомбе Да-вистер.— Я не перебрис ее помню.— 28 ноября 1960 года.

В тот же день президентю Юлиусу большой прием. Юлиус пригласил приглашение и «его преисподнюю» Мозиса Катанга. Чомбе, президенту государства Катанга».

Чомбе, как бы имена стали нарицательными в Африке, сразу почувствовалась душою государственные принципы демократии, исповедовавшие неуступчиво заповедь: «Цель оправдывает средства»! Они ревностно следили своим законом. Разница заключалась только в том, что Юлиус считался «честным человеком» в Париже, а Чомбе — в Брюсселе. Оба были ненавидели Лумумбу и готовы были расправиться с признанным врагом конголезского народа.

Когда в июле 1960 года Чомбе получил митинг против законного правительства Конго и провозгласил себя президентом Катанги. Юлиус немедленно принял марксистского государственного, заявив, что существование суабианского правительства белгийского Конго — абсурд».

На Вразвилью на левый берег Конго, как и в Брюсселе, были лишены контактов и денег. В листовках — истинные правительством молодой республике. Но доводата отряда действует не только быстро, но и безжалостно. Другое средство — купюры, предлагающие Лумумбу и его близким, чтобы подкупить и разорвать ряды.

Направленная опытной рукой, подрыванная работа идет под громные вопли подальше белгийского государства. Ежедневно с 6 до 10 часов утра и с 17 до 04 ч в эфире звучит призыв к борьбе против белгийского свержению «продавшегося коммуниста» Лумумбы.

Леопольдовское правительство принало обнаружить тайную радиостанцию, заявившему, что она ведет передачи с конголезской территории, передавая свое мнение, остаются, однако, безрезультатными. Радиостанция, установленная белгийскими радиостанциями на территории Леопольдовского Конго инт. Динтер введет в действие белгийское государство в этом излалося недостаточном. Оноло бравазскогого плыва был установлен конголезский радиоцентр «Масло» («Свобода»). Многие правые белгийские коммунисты, белгийские офицеры для станции, сотранные для «Узуру» и «Микала».

Рисунки Г. НОВОИЛОВА

ПОВЕСТЬ Перевод с польского
З. РОГОВА и Е. ФАКТОРИНИА

29 МАЯ, поднедь

Из редакции Генрик позвонил начальнику следственного отдела областного управления милиции майору Бучену. Они договорились, что в этот день, когда Бучен, тогда еще капитан, лежал в госпитале с простреленным легким. У Генрика был мощный аппарат. Выслушал он и позвонил, честно симулировал за кашкой черного кофе в Доме журналистов. Правда, дружили они так и не стали. У Бучена, начальника следственного отдела, совсем не оставалось времени для личной жизни. Тем не менее, учувши малейшую возможность, он захватил в клуб журналистов и всегда был рад встретить Генрика, ибо ничто не может сблизить людей больше, чем воспоминания о болезнях, перенесенных на соседних койках. Они договорились, что в два часа дня Генрик придет в областное управление. Когда секретарша пригласила Генрика в кабинет, на столе у Бучена лежало дело Ринерта.

Генрика довольно подробно сообщила о принятых с тросточкой и о подпорченных, возникших у него в связи с поведением лже-Ринерта. Рассказ занял много времени. То и дело звонили телефонно, что вызывало Бучена из кабинета. Журналисты стало немного не по себе: сколько времени он отнял у майора! Все его поздравления показались Бучену не стоящими внимания. Больше всего его заинтересовала свист тростки. Он внимательно осматривал ее, с силой рванул штифт и давольно вынул, он сказал:

— Вообще-то вы должны были бы мне ее продать или даже подарить. Она пригодилась бы кому-нибудь из журналистов, где собирали самые удивительные образцы оружия. Некоторые мои сотрудники считают, что иметь при себе такую вещь нельзя. Конечно, вы можете дарить ее кому-нибудь. Если разрешается выдать на станин сабелю или иметь в коллекции рыцарский меч, то почему бы вам не выдать дома тросточку со штифтом?

Генрика стало неприятно на душе. Он пришел сюда дерисать криминальную загадку, а у него наоборот отобрать тросточку — что же насчет дела магистера Ринерта... Сказав Бучену, пополнил руку на ладью с делами, — вы, конечно, разберетесь, хотя я вовсе не уверен, что ваши поздравления обоснованы. Кстати, Ринерту произошла ночью на переезде, где нет автоматического шлагбаума. Поезд в том месте выскочил из-за поворота, упритого густым лесом. Ринерт вылезал из машины разобрав карбидный свет. Смерть Ринерта наступила мгновенно. Мы внесли предложение установить автоматический шлагбаум или вырубят участок леса, который закрывает поворот. Подобный случай, только в другом месте, произошел полгода назад с женщи-

городным автомобилем. Шлагбаумом на переезде нет — вот основное зло, — ударил он ладонью по столу.

— А истории с лже-Ринертом? — Писемский в мизантропию не упрядено, нет причины начинать следствие. Это всегда будет шутка: кто-нибудь из знакомых или друзей Ринерта выдал себя за него, чтобы выдать у вас каинкое савдвение. Мы на немем прав, а вышлись, — она не провозидит нарушения законности.

— Но он выдал себя за другого? — Да, но вы вынахали бы только в том случае, если бы от этого что-то пошло. На Старе мадриде, где хозяйничает группа простотков, мы обратим более пристальное внимание. Лично вы в совете занялись историей тросточки. Я позвал ее наши специалисты по истории криминалистике. Она их заинтересовала. Специалисты сказали мне, что человек по прозвищу «чюнок» им неизвестен, но если что-нибудь узнают, обязательно позвоят вам. Из такого материала может выйти очень поучительная статья, правда? Генрику не оставалось ничего другого, как распрощаться, извинившись за столь долгий визит. Попросил разрешения просмотреть дело Ринерта, присел за столик секретарши, снял с документа точечные копии. На улице перед зданием управления столкнулся с Розаной, с которой они вчера договорились вечером встретиться в кафе.

— Покедет и Бутылко, — сказал он, взяв ее за руку.

— Она отрицательно покачала головой. — С некоторых пор вы мне все время приказываете идти и Ринерту, а вы идите, а мне вас привели в милицию. Вы Бутылко! А вы не можете предположить, что в уме могут быть свои дела?

— Подем и Бутылко, а вечером сходим потанцевать.

— Танцевать? — удивилась она. — Сначала расставьте идеи и Ринерту, а потом идите танцевать в милицию. Сомневался, что нам удалось поговорить в перерывах между танцами.

— Я должен ехать и Бутылко, — сказал он, взяв ее за руку.

— А я должна ехать к мористе. Директор дома должен видеть, мне выбрать штифт для наших манекенщиц. К Бутылко подем позвие.

Он живет за городом. Уговорить ее Генрику не удалось, условившись встретиться в три часа на трамвайной остановке. Она попросила Генрика до свидания. Он был доволен, что Розанка так серьезно относится к своей работе, а они позавидовали друг другу и впрямь произвели впечатление чужаков, живущих «по привычке».

«Вместе быть, она переменилась с тех пор, нам позавидовалась со мной» — подумал он без особого интереса. В редакции он просмотрел репортаж литсотрудника, который написал о деле Ринерта. В нем было много наполнения и передавал материал секретарю редакции. После этого направился в клуб журналистов, помещавшийся на втором этаже Дома печати.

В баре он увидел Юлию. Она подчеркнуто холодно отнеслась к сразу пришедшим. Несмотря на это, Генрик подошел к ней, еще раз поздравляясь и поинтересовался, законил ли уже вчера вечер.

— Звонил. Но ты был в ванной. У меня не было времени ждать, пока ты вымоешься.

— Я забыл брьюн, на которые пролила кофе. — Юлиа добродушно не восстаивала: «Почему же тебе? Мне кажется, у тебя есть что-то в этом роде!»

— Ты разговорчива не с дамбратонией, а с соседкой, — сказал он.

— Ты и являешься с очень хороших отношениях с соседками, — заметила Юлиа.

29 МАЯ, вечер

На остановку трамвая Розанка влилась минута в минуту. Генрику сразу почувствовал, что от нее пахнет вином. Это потрисло его настолько, что все время подвигался, чтобы она не могла вынуть из слова.

— Она обманула меня. Ни к какой мористе она не шла, являлась, являющаяся где-то... — Губы ее были сильно напружены. Следующая раз она пыталась подойти к Генрику, сидевшему рядом. Он отодвинулся на самый конец скамейки, и тогда Розанка отобралась и зло проговорила:

— Не стройте из себя святого! А что, разве я не имею права выпить с подружками вино? Во-первых, я совершеннолетняя. Да и что вы беспокоитесь? — Она выжила из себя столько слов, что Розанка не могла выслушать больше ни слова. Наконец они вышли из трамвая, спросив дорогу и влившись в Бутылко.

Вечерняя почта. Солнце повисло над самыми верхушками густого леса, вышедших неподолку. Генрик и Розанка стали поздравлять друг друга. В отдаленном строении, нечто вроде старинной норки, несомненно было дождливо. Вокруг были различные рамники овощами. Прожда еще метров пять, они оказались перед металлической дверью, выходящей на улицу. Розанка была открыта; выключенная интрижкой Розанка вела прямо к мезонинской комнате, где жила Бутылко.

Генрик осторожно постучал в дверь набабданным трости. Хотел бы постучать еще, но Розанка толкнула его локтем. Он оглянулся и увидел, как из-за зеленых кустов вышла высокая женщина с длинными волосами, выходящими из куцальника. Очевидно, она загорала в саду.

— Волосы твои не так хороши, — сказала она, погрозив пальцем, — если бы не наглядные доказательства, то я бы сказала, что ты выхолила загорелые ноги, на груди темнеющая полоска материи.

Женщина перехватила воскирненный взгляд Генрика и улыбаясь:

— Я была бы поинтерес с паном Бутылко, — робко прозвизг Генрик.

— Она подошла ближе и остановилась в шаге от него, так близко, что он слышал, как она оеята так легко.

— Ты же знаешь, как спит, лег отдохнуть после обеда и до six пор не проснуешь.

— Голос и манера говорить, как у женщины, что неприятно парило Генрика.

— Она отворила дверь и провела их в слабо освещенную прихожую. Оттуда они вошли в большую комнату. Статурия вылила назвалась мальчишкой и скромной, наполовину домини, которые стороны на окраинах отставные железнодорожники. Но внутри дом был обставлен роскошно, что и делало ему дороже именоваться виллой.

Хотя хозяин и торговал предметами старины, в его квартире не было ни одной старинной вещи. Все здесь было ультрасовременным; и толстые пушистый ковры на полу, и тахта и пазуха, и мягкие кресла, и встроены в стену шкафы.

— Будете добры, подождите. Сейчас я позвоню маме. — Она создала женщину и исчезла в дверях, ведущих в соседнюю комнату.

— Бутылко, — сказала Розанка. — Почему всегда так получается, что любовь больше с нейрой женщиной, чем с женщиной? — Она была красивой женщиной!

— Если бы все было богаче, но и красивее, — вскрикнула Розанка.

— Она не была красивой. В длинном коричневом платье она походила на женщину, которая хотела идти, уже поинион, он произвел неприятное впечатление. Розанка молотко рассказала о своем намерении, подпрыгнув, потому что их чернота нересур контрастировала со старичьим лицом.

— Бутылко, — сказала Розанка. — Я очень давно люблю тебя. Но ты не собираешься выйти замуж. Во время объяснений Генрику Бутылко сказал, что он не собирается жениться.

— Сестра магистера Ринерта, — закончила свой рассказ Генрик, — написала заплюнку письмо своего брата. Он должен был прийти к Ринерту и Юлии тросточку у вас. Поштоу я позволил себе все побеспокоить, а вы не ответили.

— Тот палач печали.

— Рассказать об истории трости лишь очень немногие. Приобрел я ее в сорон шестом году у одного студента, который продал в Поздан. Я купил ее в Ливне. Являюсь, но не знаю, где она и кто ее имеет. Это, наверное, немецкая тросточка. Юлиа мне сказала, что Ринерт был богатый мальчик.

— Вот вам должно было считать сомненным. Когда я говорил Бутылко не подал руку, поэтому на прощание Генрик ограничился легким поклоном.

— Молча шли они по шоссе к трамвайной остановке. Розанка была в хорошем настроении. Юлиа же молчала. Но Генрик всею помнил тросточку. Вдруг:

— Мерт поделю! — воскликнул он. — Я оставил у них своей портрет! — И бежал к дому Буты-

Продолжение. Начало см. в № 1.

ло. Через пять минут он вернулся, и они продолжили свой путь.

— Не успел он еще дойти до остановки, как мимо них прошла в сторону Лодзи девушка, как будто бы бегущая. За ее спиной было что-то белое, как быстрая белая завистка Розана.

— Быстро пошел вперед, — сказал Бутлыло, — быстро проговорил Герин.

— Снова! — удивилась девушка.

— Быстро Бутлыло остался. Поглядел с него на Любовь с первого взгляда! — прозвонила она над головой. — Мы идем к Лодзи, но не идем к спальной! Такой бедной, как вы, ей ни к чему.

— Быстро Бутлыло — это не так, это не себе за Ринерта. Я узнал его по голосу, как только он промолвил ту же фразу, что и в квартире по адресу. Слушай меня. В чем я расставлю ящик.

— Он оставил Розану на шоссе и быстрыми шагами направился в сторону Лодзи. Он шел впереди, и Бутлыло, Она была уже в платке и несла доминирующий запах.

— Простите, — обратился к ней Герин, — я вернусь, чтобы спросить вашего супруга об одной вещи.

— Муж только что уехал в Лодзь. Разве вы не видели его?

— Нет, не видел, — прозвонил Герин, точно пытаясь изобразить на лице светскую улыбку. — Речь идет о сумке путника. Я расставил ящик моего мужа об этой тросточке, — тут он ловко подбросил свою трость вверх, — и я забыл самое главное. У кого ваш муж купил ее?

— Я только посмотрела на него с восторженным любопытством.

— Вот уж не думала, что вы приехали к нам ради...

— А вы знаете, что там внутри? Штык. Покажите мне.

— О, нет, нет! — воскликнула она, смеясь.

— Мне не надо так смеяться. Вам лучше еще раз встретиться с мужем. Его дела меня мало интересуют. Помните, не знаю, у кого он мог ее купить.

— Помню только, что в кашею дома она появилась только в этот год и сразу же исчезла. Муж продал ее пану Ринерту. Я там же представилась не имени, что так спрятан штык.

— Он исчезовал колокольчик загорную руну, пахнувшую жасмином. Записав за собой калитку, он бросил банкет и вместе с женой трагически удалился в сторону Лодзи.

— Нет, нет, Бутлыло, вызвал себя за Ринерта, — была юная поговорка. Розане во время обратной дороги. — Ниго бы я дал за то, чтобы узнать, что там внутри.

— Простите от ответа, когда я спрашивал о происхождении тросточки. Я не хотел бы вас беспокоить, во второй — рассказал, что купил трость, что тросточка, что тросточка, а в третий — что тросточка, что тросточка, а в четвертый — что тросточка, что тросточка, а в пятый — что тросточка, что тросточка.

— Не может быть, он держал ее в подвале или где-нибудь в чулане...

— Конечно, — возмущенно согласился он. — Почему, однако, он не сказал мне правду: история тросточки — вещь неважная. Я случайно купил ее в магазине?

— Вы не помните? — спросил Бутлыло. — Конечно, Бутлыло невольно, чтобы я знал правду о происхождении тросточки. Я не хотел бы вас беспокоить, во второй — рассказал, что купил трость, что тросточка, что тросточка, а в третий — что тросточка, что тросточка, а в четвертый — что тросточка, что тросточка.

— Кому-то очень нужно, чтобы я не довольствовался ее происхождением. Тем сильнее во мне желание узнать ее!

— Пока у вас одних познаний. Но мне несложно, как вы Бутлыло так тщательно скрывает историю приобретения тростки? Не купил ли он ее у какого-нибудь врача?

— Или у убийцы, который битаясь разбачивал.

— Вы шутите?

— В тросточке штык. Ведь не для украшения же он!

— Нет, было полена хвоста, первого ее хозяина давно нет на свете.

— Вы сказали, первого хозяина. А кто знает остальных хозяев? В чью руку он попал, когда вы служили? Вот что меня интересует.

— В течение часа он сидел в кресле в Лодзи. Тут Герин вспомнил, что сидит на Розану. Он попросился с ней очень холодно, не называя имени. Розана сказала, что кресло было попереку, и неминуемо, вклинилась в автобус и пошла по Петровской улице.

20 МАЯ, ВЕЧЕР

Его разбудил звонок. Зажег ночник, посмотрел на часы — был пяти одиннадцать. Подбежал к двери и испуганно распахнул ее.

— Он увидел Розану.

— Она успела только закрыть парадное, — сказала она, тильяю душой.

— Без всяких объяснений, не обращая внимания на то, что Герин, она тильяю душой она пришла прямо к нему в комнату. Светлый плащ девушки был сильно помят. Розана сказала, что кресло было попереку сумку. Потом наярнула сумку плащом. Она села за другое кресло, потянулась, зевнула.

— Я буду у вас ночевать.

— Герин снова возмущенно, что она так безцеремонно распорядилась в его квартире. Он указал ей на дверь и вышел.

— Хорошо, — кинула она.

— Была в ванной комнате он услышал шум и позвонил. Герин разложил иресло, выгнал из такты запасную подушку, чистые простыни и теплые носки. Прогоняя постель, он услышал шум и позвонил. Герин разложил иресло, выгнал из такты запасную подушку, чистые простыни и теплые носки. Прогоняя постель, он услышал шум и позвонил.

— Я не могла идти к себе: Лоякс с ребятами поднимали меня в моего дома.

— Погляди назад, скрипнули пурины кресла.

— Я знаю, вы думаете обо мне очень плохо. Но не забывайте.

— Ее лось бегала Герин. Он подумал, что Розана добродыте, пожалела, а еще раз сбегою и Бутлыло, — быстро проговорил Герин.

— Снова! — удивилась девушка.

— Быстро Бутлыло остался. Поглядел с него на Любовь с первого взгляда! — прозвонила она над головой. — Мы идем к Лодзи, но не идем к спальной! Такой бедной, как вы, ей ни к чему.

— Быстро Бутлыло — это не так, это не себе за Ринерта. Я узнал его по голосу, как только он промолвил ту же фразу, что и в квартире по адресу. Слушай меня. В чем я расставлю ящик.

— Он оставил Розану на шоссе и быстрыми шагами направился в сторону Лодзи. Он шел впереди, и Бутлыло, Она была уже в платке и несла доминирующий запах.

— Простите, — обратился к ней Герин, — я вернусь, чтобы спросить вашего супруга об одной вещи.

— Муж только что уехал в Лодзь. Разве вы не видели его?

— Нет, не видел, — прозвонил Герин, точно пытаясь изобразить на лице светскую улыбку. — Речь идет о сумке путника. Я расставил ящик моего мужа об этой тросточке, — тут он ловко подбросил свою трость вверх, — и я забыл самое главное. У кого ваш муж купил ее?

— Я только посмотрела на него с восторженным любопытством.

— Вот уж не думала, что вы приехали к нам ради...

— А вы знаете, что там внутри? Штык. Покажите мне.

— О, нет, нет! — воскликнула она, смеясь.

— Мне не надо так смеяться. Вам лучше еще раз встретиться с мужем. Его дела меня мало интересуют. Помните, не знаю, у кого он мог ее купить.

— Помню только, что в кашею дома она появилась только в этот год и сразу же исчезла. Муж продал ее пану Ринерту. Я там же представилась не имени, что так спрятан штык.

— Он исчезовал колокольчик загорную руну, пахнувшую жасмином. Записав за собой калитку, он бросил банкет и вместе с женой трагически удалился в сторону Лодзи.

— Нет, нет, Бутлыло, вызвал себя за Ринерта, — была юная поговорка. Розане во время обратной дороги. — Ниго бы я дал за то, чтобы узнать, что там внутри.

— Простите от ответа, когда я спрашивал о происхождении тросточки. Я не хотел бы вас беспокоить, во второй — рассказал, что купил трость, что тросточка, что тросточка, а в третий — что тросточка, что тросточка, а в четвертый — что тросточка, что тросточка.

— Не может быть, он держал ее в подвале или где-нибудь в чулане...

— Конечно, — возмущенно согласился он. — Почему, однако, он не сказал мне правду: история тросточки — вещь неважная. Я случайно купил ее в магазине?

— Вы не помните? — спросил Бутлыло. — Конечно, Бутлыло невольно, чтобы я знал правду о происхождении тросточки. Я не хотел бы вас беспокоить, во второй — рассказал, что купил трость, что тросточка, что тросточка, а в третий — что тросточка, что тросточка, а в четвертый — что тросточка, что тросточка.

— Кому-то очень нужно, чтобы я не довольствовался ее происхождением. Тем сильнее во мне желание узнать ее!

— Пока у вас одних познаний. Но мне несложно, как вы Бутлыло так тщательно скрывает историю приобретения тростки? Не купил ли он ее у какого-нибудь врача?

— Или у убийцы, который битаясь разбачивал.

— Вы шутите?

— В тросточке штык. Ведь не для украшения же он!

— Нет, было полена хвоста, первого ее хозяина давно нет на свете.

— Вы сказали, первого хозяина. А кто знает остальных хозяев? В чью руку он попал, когда вы служили? Вот что меня интересует.

— В течение часа он сидел в кресле в Лодзи. Тут Герин вспомнил, что сидит на Розану. Он попросился с ней очень холодно, не называя имени. Розана сказала, что кресло было попереку сумку. Потом наярнула сумку плащом. Она села за другое кресло, потянулась, зевнула.

— Я буду у вас ночевать.

— Герин снова возмущенно, что она так безцеремонно распорядилась в его квартире. Он указал ей на дверь и вышел.

— Хорошо, — кинула она.

— Была в ванной комнате он услышал шум и позвонил. Герин разложил иресло, выгнал из такты запасную подушку, чистые простыни и теплые носки. Прогоняя постель, он услышал шум и позвонил.

30 МАЯ

Утром она не могла его дождаться. Когда он открыл глаза, Розана была уже одета и умыта.

— Куда тебе пороготы? — сказала она, выходя из комнаты.

— Сегодня воскресенье, — Позывал, сказал он.

— У меня сегодня позавчера модели. Хочешь, чтобы мы побыли?

— Той все равно выгонит, ты плохо себя ведешь.

— Сейчас! Она рассмотрела свой перепачканный пальто, но не могла сказать ни слова. В прихожей штык и пошла с плащом в ванную.

Герин подумал: «Выпущу ее, а вдруг она что-нибудь скажет».

— Он спрыгнул с такты и заглянул в сумку, лежащую на полу. Там повалился какой-то мешочек: повалился, кошелен, носовой платок. На саиди... — проворно он вынул из сумки платок. Розана вернулась в комнату в плаще.

— Ты не забудь, мне нужно торгаться с ней! — воскликнула она, закинув сумку через плечо.

Приторвался домель сонным, он пошелся в ванную, достал калит и открыл дверь.

— Проступил он и сказал она, подождала его в штык.

— Чао, — звонил Герин, заперев дверь и помахал к такте.

— Проступил он и в двадцатом часу. Вспомнил, что сегодня воскресенье и не надо идти в редакцию. Закурил натаюк сигарету — надть ставить чашку.

— В ванне, — сказала она, выходя из комнаты. — Штык и довольный собой, он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель.

— Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель.

— Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель.

— Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель.

— Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель.

— Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель.

— Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель.

— Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель.

— Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель.

— Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель.

— Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель.

— Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель.

— Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель.

— Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель.

— Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель.

— Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель.

— Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель.

— Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель. Он включил проигрыватель.

гнать, теперь чтобы убедить Бутлыло, что если есть такое обстоятельство, мешающее ему говорить.

— Бутлыло! Не может быть! — воскликнула она.

— Значит, я разговаривал не с Бутлыло, а с другой женщиной.

— Бутлыло ушел после того, как вы с ним говорили.

— Он куда-то поехал на своем «варбуге»... — Не вернулся. И был убит узором штыка.

Герин вспомнил, что тросточка в руке тонкая. Тот поехал его взгляд.

— Не так ли, — усмехнулся он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

— Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он. — Нет, — был прозвонил он.

проехли бы его лучше. Поэтому я буду стараться следовать вашим советам и пожеланиям. Хотелось бы только поехать.

— В соответствии с вашей просьбой и займусь историей тросточки. А вы в соответствии с моей просьбой еще раз посетите, угостите меня лично, в комнате № 215, и оставьте там отчетные списки папачек (блестящих)?

— Он появился, взял со стола шляпу, кивнул Генрику на прощание и ушел.

Генрику покуда не было бы страшно, что, если минута не найдет Розанну или если она по какой-либо причине не закончит посещения, а простоять у него будет больше неприятности. И причиной тросточки. Тотчас же вынул из кармана свой серегетом. Ведь именно из-за нее погиб вначале Ринерт, свативший трость на комиссию, и был убит Фетисов, владевший ею до Ринерта. Но простое ли это совпадение? Может быть, обе смерти не имеют с тросточкой ничего общего. Не надо тогда объяснять такой факт: стоило Генрику перебрести трость, как он смутился, а сам его первый начальник променял себе на нее. Событие не в первый взгляд seemed обывателю — визит и преломную трость, прощание, посещение, выслушивание Ринерта и мутноватый, от туманно-вишневой тросточки выходящий дым вешей, и в этот момент и угрожало.

Генрику скатился за наблюдением, вырвал из номен-данной вешалки штык. «Наверное, не случайно, что бутылку унит штыком. Другим, правда, — по штыком».

30 МАЯ, день

— Это тот пан Скяминский, знаменитый моего брата. Старшина Ринерта представил Генрику дядю его господина лет пятидесяти, с одуломатным взглядом и длинными волосами.

— Скяминский низко поклонился, словно слышал о Генрике много хорошего и преисполнился уважения к нему.

— Вообразите себе, дорогой редактор, — не удержался, бормоча старшине, — на свете бывают честные люди, чем занимается. Пан Скяминский решил, что вручил папачку, которую ему не оставалось долгие моему покойному брату. Он принес долг, дав все, включая напоминания с моей стороны. Да я никогда и не запомнила бы деловых записок брата пан Скяминский среди покойника не числится.

— Скяминский выглядел очень смущенным; очевидно, посылал сестры Ринерта притворно его стыдиться.

— Ах, это настолько незначительная сумма, что светлая память магистр Ян Ринерт даже не считал нужным записать ее, — промолвил Скяминский. И тут же у него маленькая папачка старшине иному за 900 злотых. Четвертая заплатила сразу, а пятая злотых обещала отдать незалежно пол за до прикурор... Мнею и не в Лодзи, и мне было трудно перелести деньги. Потом я узнал из разговора трагической происшествия, что светлая память магистром Яном Ринертом и очень сожалело не имела возможности присутствовать на похоронах. Выбралась только сестры и сразу воспользовалась случаем вернуть долг.

Потом он промолвил несколько фраз об опасностях, подстерегающих всех автомобилистов. У него Скяминского, тоже есть автомобиль, но он не собирается ни просто мучиться спастись от смерти, стонувшей у грузовиков, водителем, которого был яван. В этом месте своей речи Скяминский выразил уверенность, что причиной катастрофы, в которой погиб светлая памяти Ян Ринерт, пан Скяминский, по его словам, решил продать свой автомобиль. После этого он попросил меня купить золотую сумку. — Ах, правда, чуть не забыл! Светлая память брат пан продали мне купить золотую сумку. Он просил за нее три тысячи. На солоние изображена Леда с лебедем, а у меня есть золотая сумка с тем же сюжетом. И сожаление, панн, когда вы брат предлагал мне купить ее, у меня как раз не было денег, а даже не мог сразу заплатить за иному. Сейчас, однако, я готов купить солоние или серебряный, или золотой, или янессанс, который у и него только видел.

Старшине стала радоваться, листая вешей брата. Мовет, он ее уже продал! О серебряном мне было ничего не знала.

— Скяминский печально покачал лысой головой. А старшине, знающая колдованной, догадалась, какое разочарование постигло пана Скяминского, и засмеялась в другую минуту.

— Старшине заглянул в карман, и он вынул из него сумку, которую брат продал солоние у серебряный ином, — увидев она своего гостя, — вынул, как вы уступил!

— Старшине минуту вернулась, листая календарь.

— Это последние странички моего брата. «Золоченая солоника. Продана пан Гиватосовичу. А серебряная солоника продана пан Гиватосовичу. А серебряная пан Гиватосовичу» — так и написано.

— Пана Гиватосовича я знаю! — радостно воскликнул Скяминский. — Благородный человек, старшине ружью! — Готов дать хоть триста злотых отступному, если вы хотите продать мне эту старшине. — И в этот момент он ушел, Генрику же остал старшине.

— Бутылку унит. В одиннадцатый ночи его извлекли из шкафа, собственноручно вынул старшине.

Старшине часто-часто зомбела, точно это было бы нечестно и несправедливо.

— Его убийца! — переспросила она шлетом.

— Наверное, так же, как и моего брата.

— Вечером разговаривала с замечательным следственного отдела майором Бученю; он пригласил меня, и мы с ним поехали в магазин, где вынул никаких подозрений. Полагаю, что после убийства Бученю был привлечен к ответственности. Вы не сомневайтесь, что эти два происшествия связаны между собой.

— Неужели вчерашнее произошло у меня, — сказала старшине.

— Вчера вечером? — воскликнул замученный Генрику. — В котором часу?

— Да так же, как было.

— Это очень важно. Что он у вас хотел?

— Пан Бученю узнал, что нашла в записке моего брата. Попросил разъяснения оговорок с ними.

— А он не сказал, что именно вам было нужно? — Я не спрашивала. Он был в очень близких отношениях с моим братом, они были даже сестринскими, мне додумалось, что он интересуется какой-то старой сделкой. Брат почти никогда не вел дела с моей комиссией, поэтому я хотела выспрашивать Бутыло. Решаю, что он имеет право заглянуть в заметки. Может, неправильно поступила?

— Не знаю.

— Пан Ринерт? Он только взглянул на него и сразу вернул мне.

— А так. Открыл календарик, перевернул страничку, увидел сразу надпись, что искал. Через минуту поспрашивал, почему так поздно, и вышел.

— Вы не заметили, какой это была страничка? Да так же, у меня и мысли не было, что там более, что он буквально через секунду отдал мне календарик.

— Гм. — Генрику начал размышлять вслух. — То, что вы сейчас сказали, несколько странно звучит. Сразу после разговора с мной Бутыло на машине не уехал в Лодзь. Я думал, что отъезд связан с какой-то работой, а не с моментом зачисления на работу.

— У меня это был — не помню старшине.

— В Бутыло я распознал того мужчину, который хозяйничал в квартире под видом нашего брата.

— Мне кажется, он все время был с нами на кладбище, но я не могу припомнить, где именно.

— У него есть машина. Мовет быть, после того как вынесли гроб, он на минутку остался в машине, стоял у меня, и только сразу поехал на кладбище. Это все не могло занять много времени. Его кратковременное отсутствие вы могли просто не заметить. Он остался в извездом покоем, чтобы найти его записную книжку.

Старшине покаялся.

— Здесь что-то не так. Если бы он искал календарик, он бы его нашел.

— Но вы не могли сказать, что записная книжка лежала в тайнике.

— Бутыло достаточно разбирался в старинной мебели, чтобы обнаружить тайник. Вдобавок мне кажется, будто секретер брат продал он.

— Мовет быть, на старшине календарик он не обратил внимания?

— Вот это уже совсем вероятно. Впрочем, найди в тайнике вместо записной книжки календарик, он должен был догадаться, что календарик лежал там не случайно.

Генрику задался.

— Бутыло узнал. Как только он услышал от меня, что вы были в квартире, он сразу же пришел и сразу пригласил меня в комнату. Узнав, что речь идет о тросточке, он отделился от меня и поехал на кладбище. Я думаю, его погнало не к чему не привело. Иначе он не стал бы со мной разговаривать. Но тогда Бутыло еще не думал об аллилуйской конке.

Насколько я помню, вы сказали ему, что магистр Ринерт не вел никаких деловых записок.

— Я была уверена в этом, пока не нашла календарик.

— Вот видите! А узнав от меня о существовании записной книжки, он бросился в Лодзь, чтобы...

— Ну-ну! — заинтересовано подхватила старшине.

— Хотите узнать, не продана ли вещь, которую он ищет, а если продана, то кому.

Старшине пошла открывать и вернулась в сопровождении старшине следователя, который днем заходил к Генрику.

— Боме мой, мир остину тесны!

— Никогда мне от вас не скрывали! — проговорила старшине, вставая.

— Не следовало бы быть распознан к шуткам.

— Вы выполнили мое просбу? — строго спросил он.

— Тот позкавал ему палец, запечатанный тушью.

— Слово Бученю, я не могу сказать, насколько старшине удовлетворительно исполнит. Осмелюший Генрику спросил его:

— Мне амби подтвердилась?

— Да, да, да! — согласился старшине.

— Никогда мне от вас не скрывали! — проговорила старшине, вставая.

— Не следовало бы быть распознан к шуткам.

— Вы выполнили мое просбу? — строго спросил он.

— Тот позкавал ему палец, запечатанный тушью.

— Слово Бученю, я не могу сказать, насколько старшине удовлетворительно исполнит. Осмелюший Генрику спросил его:

— Мне амби подтвердилась?

— Да, да, да! — согласился старшине.

— Никогда мне от вас не скрывали! — проговорила старшине, вставая.

— Не следовало бы быть распознан к шуткам.

— Вы выполнили мое просбу? — строго спросил он.

— Тот позкавал ему палец, запечатанный тушью.

— Слово Бученю, я не могу сказать, насколько старшине удовлетворительно исполнит. Осмелюший Генрику спросил его:

— Мне амби подтвердилась?

том улегал на такту и попытался подытожить впечатления последних часов. Темение его мыслей было прервано телефонным звонком.

— С какой стороны из архива милиции. Майор Бученю заинтересовала меня рассказом о вашей тросточке. У меня сложилось впечатление, что когда-то она принадлежала Исидору Очню.

— Да, да, я слышала вас! — обрадованно прокричала в трубку Генрику.

— Это было довольно трудно. Дело в том, что в нашем архиве хранятся материалы касательно со временимногого года. Все-таки нам удалось установить, что Очню подхватил в Лодзи в 1903 году, когда он был поспрашиван за убийство с целью грабежа. Очню являлся, если можно так выразиться, нулевым лодзинского преступного мира и имел связь с царской полицией и лодзинскими фашистами, которые использовали его для различных «мокрых» дел. Благодаря оплеке фабрикантов он долго время действовал беззаконно.

— Да, да, я слышала вас! — обрадованно прокричала в трубку Генрику.

— Это было довольно трудно. Дело в том, что в нашем архиве хранятся материалы касательно со временимногого года. Все-таки нам удалось установить, что Очню подхватил в Лодзи в 1903 году, когда он был поспрашиван за убийство с целью грабежа. Очню являлся, если можно так выразиться, нулевым лодзинского преступного мира и имел связь с царской полицией и лодзинскими фашистами, которые использовали его для различных «мокрых» дел. Благодаря оплеке фабрикантов он долго время действовал беззаконно.

— Да, да, я слышала вас! — обрадованно прокричала в трубку Генрику.

— Это было довольно трудно. Дело в том, что в нашем архиве хранятся материалы касательно со временимногого года. Все-таки нам удалось установить, что Очню подхватил в Лодзи в 1903 году, когда он был поспрашиван за убийство с целью грабежа. Очню являлся, если можно так выразиться, нулевым лодзинского преступного мира и имел связь с царской полицией и лодзинскими фашистами, которые использовали его для различных «мокрых» дел. Благодаря оплеке фабрикантов он долго время действовал беззаконно.

30 МАЯ, вечер

Генрику вернулся домой, когда на город уже спустился туман. Он вынул из кармана записную книжку Розанна, которая могла подтвердить его аллилуй. Мовет было позвонить в дом модели, но он не захотел; он не хотел, чтобы фамилия, имя настоящего имени. Приготовил себе ужин, по

1950 году у дальних родственников Гайдара в Арзамасе мне удалось найти школьный дневник Аркадия за 1917/18 учебный год. Это была записная книжка, специально заданная для ежедневных записей, с различными разделами. В них ученик мог записать расписание занятий в школе, фамилии товарищей по классу, учителя и много других сведений школьного характера. Эту книжку я привез в Москву, с нее снял фотографии, и значительная часть дневника была впоследствии опубликована в сборниках, посвященных Гайдару¹. И вот недавно, перелистывая этот дневник, я снова обратил внимание на несколько странных, непонятных записей.

...Я вспомнил о шифре Гайдара.

Это было в декабре 1917 года. Аркадий Голиков тогда учился в четвертом классе арзамасского реального училища. Судя по его письмам, перепискам между уроками он посылал нам, своим товарищам по классу, листок бумаги, исписанный какими-то странными, непонятными, труднопризнательными словами, и попросил нас прочесть его. Мы ничего на могли понять. Какой-то абракадабры выглядело то, что он дал нам.

По окончании уроков Аркадий, очень довольный, с лукавой улыбкой сказал нам, что он изобрел свой собственный шифр и теперь будет пользоваться им для записей того, что, кроме него, никто знать не должен. Проверкой, которая была произведена, он оказался весьма доволен. Если никто из нас ничего не понял, значит, шифр надежный. Он и впоследствии никогда нам, своим школьным друзьям и товарищам, ключа к своему шифру не раскрывал.

Известно, что Гайдар до последних дней своей жизни пользовался шифрованными записками. И уже будучи на фронтах Отечественной войны военным корреспондентом, он говорил своим друзьям: «С дневниками совету ю быть поосторожнее. Если взедете их, придумайте свой шифр. Все может случиться». Несомненно, что этот шифр военных лет был более совершенным, сложным, нежели шифр детских лет, но тогда для нас, его сверстников, он был совершенно неразличимым и тайнственным. Однако теперь, пере-

тывая дневник Гайдара, мне все же удалось прочесть зашифрованные им в детстве записки.

...24 октября 1917 года Аркадий записывает в своем дневнике: «вечеринка лякофеяшек». При расшифровке эти слова читаются так: «инцидент Роговичин». В чем же тут дело?

У нас, в реальном училище, преподавателем рисования и черчения был Николай Викторович Роговичин. По его предметам у Аркадия в текущем раде был только одна отметка: двойка. Очень редко оценка по рисованию и черчению поднималась до тройки. Надо признать, что эти отметки были объективными и справедливыми, так как низкими способностями чертить и рисовать у Аркадия не было. Так что же зашифровал Аркадий в своем дневнике?

Дело в том, что в конце октября 1917 года в реальном училище была открыта выставка рисунков учащихся. Реальности всех классов давали свои школьные и домашние рисунки Николаю Викторовичу, а он отбирал лучшие на них для экспозиции. За несколько дней до открытия выставки Аркадий пришел к Роговичиному сло «произведе-ние». То, что он принес, рисунком назвать нельзя. Он взял лист бумаги, неровно извлек его из красной раскраски и посеребрил его написав чернилами печатными буквами «за свободу». Получился нечто вроде очень примитивного, плохого выполненного плаката. Преподаватель отказался поместить этот рисунок на выставке. Аркадий горючил и, ничего не сказав, взял свой листок и вышел из учительской. Но в день открытия выставки мы увидели этот листок припрятанным в ящике у доски.

В тот же день Аркадий вызвал к директору. Вот почему появилась в дневнике зашифрованная запись «вечеринка лякофеяшек».

В 1915 году в Арзамасе впервые был открыт кинотеатр. Как-то, увидев фильм, в котором было много драк, дуэлей, погон, мы, ребята, начали драться друг с другом на палках. Школьная администрация этого нашего увлечения не поощряла. И вот в дневнике Аркадия появилась запись: «Меня и Шнырова директор заметил, когда мы дрались на палках, и базрор моз таяею, что следует читать: «И послан нас домой». Это было наказание. Вот почему Аркадий зашифровывает это обстоятельство.

После Октябрьской революции Аркадий Голиков выполнял поручения старших товарищей — большевиков: дежурил в Совете депутатов, лет-

руировал по городу. Ему доверили. Дали оружие, когда ему было всего 14 лет. Он настойчиво просил принять его в партию. Больших трудов стоило убедить Аркадия, что он еще слишком мал, но что его обязательно, когда он вырастет, в партию примут. Увлеченный политической работой, он начал пропускать занятия в школе.

Как-то в конце февраля 1918 года Аркадий пропустил несколько уроков. Вскоре в школе прошел слух о том, что Голиков тамею ранен и лежит дома. Несколько близких друзей после уроков пошли его навестить. Но дома мы его не застали. Узнали, что ранение легкое и что Аркадий, получив медицинскую помощь, с повязкой на груди снова дежурил в Совете депутатов. Через несколько дней он рассказал нам, что с ним произошло, когда он возвращался с дежурства в Совете депутатов.

Темной февральской ночью преступник напал на Аркадия и ударил ножом. К счастью, нож попал в ребро и рана оказалась поверхностной. Увидев преступника Аркадий не сумел...

И вот 28 февраля 1918 года Гайдар записал в своем дневнике: «Меня ранено ножом в грудь, на переверстках. Был в Совете». И дальше зашифрованных слов «Ровагавен». Признаться, мне до сих пор не удалось расшифровать это слово. Возможно, что Аркадий, учитывая особую серьезность случая, употребил более сложный шифр. Во всяком случае, это слово, несомненно, имеет прямое отношение к ранению. Может быть, он записал имя подозреваемого им убийцы? Кто знает! Помню, в 1932 году я виделся с Аркадием, и мы вспоминали наше детство, Арзамас, школу, товарищей...

Когда я заговорил с ним об этом ранении, он очень неохотно, как о чем-то очень несущественном, вспомнил об этом эпизоде, едва не стонущим языком.

Я умышленно не привожу ключа к этому довольно несложному гайдаровскому шифру. Имея перед собой зашифрованные и расшифрованные тексты, приведенные мною, очень легко разгадать тайнственные записки Аркадия Голикова.

А вот не поддающиеся расшифровке слово «Ровагавен» еще ждет своего раскрытия.

Если читатели этих строк смогут раскрыть смысл непонятного слова, может быть, удастся внести некоторую ясность в историю покушения на Аркадия Гайдара.

А. ГОЛДИН

¹ Жизнь и творчество А. Гайдара. Детизд. 1964.

Он плоским свистом соловьем,
И свистял теми изломанным птвич,
...Под упр упала от ветра смель
И вся распласталась, шурша...
Он понял, что слово — гранит и

А слово-то было — душа, кремль,
Кольцо перемен, превращений

Он таятно пытался разнить,
И тонким...
Остановилось лицо,
Как маска,
Которой не снить.
Но обидно слышишь вильбу по слодам,
И старый крахтел граффоман...
Как пося старался.
Не кончилось бы,
Где только, что кончился он!
О, ой бы отстаться, как пальцу
в колке,
В бессмертия странной страме!
Но даме при юзани он пав о юкке
И, стало быть, умер вдвоем.

Низко над морем летела сенокосня,
С вью напев мой осенний сплоскся.
Как сенокосня на щаве
Будет, расплоска,
Так расплоска вдалеке
Дым на буржых твоей парус.
Гавань в арку-рылок
Листьях
И чешуйках
Рыбажек,
Чапан с юрким гребнем
Быют по водным греблям
Черными концами
Крыль...
А-а-а...

Рыбачья песня

Маленький остров, поселок невнякий,
Там, у поселка, ты станешь на якорь;
На костре уза
Вернется
Будет,
Ветер с моря
Котелок
Остудит,
И огонь погаснет
В сумраке неясном,
В сумраке, как сон капризный...
Море неспокойно...
Сеть на сврых лопках
Будто на худюлях
Призрак...
О-е-е...

Я не печалюсь, хоть я и рыбаки:
Что мне печальится, что мне
И рыбак угу готовить может,
И рыбака рыбу ловит тоже...
Темно подбородка
Волны левят лодка.
Сяду, поплыву
На отелы;
В равнинных белых
Отключусь берег,
Будто отбелел
И отмер...
А-а-а...
О-е-е...

Гора

О чем по низам ве
Дубы шумят темные;
Что шепчет по выдраным
Зрелищам похвастав,
Шинюном залупанным,
Жасмином разбурночным;
О чем в ночи летенье
Зачем ветры сонные,
Светает скрипят соснами
И машут беспамятно
Черной желупой,
Что слышится сослупу

В томительном сумраке
На камни горячие;
О чем трава темная
Молчит, как занятая;
Зачем так беспомощно
И тесно толкутся в ней
Цветы земляничные;
О чем соловей поет
В тумане и в зеванье
Конец весны праздную;
Подем да подслушаем,
О чем гора думает...

В. ЗАЦИОРСКИЙ,
кандидат педагогических наук,
мастер спорта.

А. КУЛАКОВ,
мастер спорта

Вы не найдете человека, который возражал бы против зарядки. И все-таки очень многие ее не делают. Один ленится, другим не хватает силы воли, третьи считают, что и без зарядки прожить можно.

ТРАКТАТ О ЗАРЯДКЕ

В 1855 году немецкий врач Шребер выступил первым в мире руководителем по «комнатной» физкультуре в «врачебно-комнатной гимнастике» или изображении и описании врачебно-гимнастических движений, не требующих ни снаряжения, ни пособий и потому всегда и везде удобнопользования для всякого возраста и пола». За короткий срок книга была переведена на многие языки немецкого языка и 10 из русских.

Интерес к комнатной гимнастике был велик, но заниматься ею вскоре перестали. Чего-то не хватало в руководстве доктора Шребера, какого-то важного вивата.

То было время расцвета гимнастических систем. В Германии Фридрих-Людвиг Ян основал немецкую систему гимнастики. Он создал гимнастические городки — «турнирлыды» со множеством разных снарядов. В Чехословакии возникла знаменитая сручальная система, в Швеции — шведская. Системы, системы, системы...

Изменил этого не хватало руководителю Шребера. Оно состояло из 45 упражнений. Из них он предлагал выбрать несколько по своему желанию. Но люди не желали выбирать. Они требовали готовую систему.

Такая система вскоре появилась. Ее создал в 1904 году датский военный инженер Иоганн Мюллер. Он, видно, понимал толк в коммодии. «Моя система» назывался в свою книгу и сказал: «15 минут в день, и ты будешь здоров!» Система Мюллера имела необыкновенный успех.

Отличие от руководства Шребера книгу Мюллера не только читали. По ней занимались. Справедливо ради надо сказать, что система Мюллера действительно была неплохой. Она состояла на 18 удачно подобранных упражнений, составленных с учетом их воздействия на организм. Мюллер первым предложил включать в зарядку водные процедуры. Датский инженер стал одним из популярных людей начала нашего века.

Человечество занималось гимнастикой еще Мюллеру долго. В ряде стран занимаются и сейчас.

Система Мюллера была, однако, не единственной в то время. Сразу же после ее первого шумного успеха появились другие руководств. Некоторые из них предлагали и целые экономии времени тратить на гимнастику не 15 минут, а 10 и обещали тот же эффект. Началась конкурсная. Тогда Мюллер создал пятиминутный комплекс и выиграл бой. Рождение всех этих многочисленных систем утренней гимнастики заставило людей подумать о борьбе за свое здоровье.

Сейчас миллионы людей начинают свой день с зарядки. Легкие гимнастические упражнения снимают усталость и сонливость, ликвидируют обычные после сна застоиные явления в тканях, ускоряют процесс аккомодации организма в ритм дня.

Кроме того, зарядка — это легкая тренировка. Она развивает мышцы, улучшает дыхание и работу внутренних органов. Но неправильно думать, что зарядка полностью решает проблему физического развития. Мюллер ошибался, когда заявлял, что 15 минут гимнастики в день — основа здоровья. Нет, зарядка — только первый шаг на пути к здоровью. А второй — это спорт.

Спортсмены часто превращают зарядку в тренировку. В этом случае навание зарядки — совершенствование техники и улучшение физических качеств. Так, например, рекордсмен мира в беге на пять и десять тысяч метров австри-

ЗАРЯДКА ПРАВИЛЬНАЯ ДЕЛАЕТ

лиец Рональд Кларк каждое утро пробегает добрый десяток километров.

Между прочим, спортсмены многих зарубежных стран начали делать специальную зарядку, как пример с советских мастеров. Японские гимнасты даже ввели в свой лексикон само русское слово «зарядка».

Но оставим спортсменов. Вернемся к обычным людям. Большинство, как и во времена Мюллера, делает зарядку продолжительностью 5—15 минут. Здесь, наверное, у многих возникнет вопрос: устарела ли система Мюллера сейчас? В принципе нет. Хотя современные комплексы зарядки составлены, конечно, на высокой научной основе и содержат более эффективный подбор упражнений.

В поисках правильного подбора упражнений специалисты и ученые часто обращаются к опыту прошлого. Иногда им приходится заглядывать даже в глубь веков. Например, чтобы разработать комплекс зарядки для людей преклонного возраста, ученые научили древнегреческую гимнастику.

Она содержала серии упражнений, выполняемых в одном положении — сидя, как мы говорим, по-турецки. Упражнения состоят из различных дыхательных движений, сокращения и расслабления мышц живота и т. п. Оказалось, что многие из них можно рекомендовать и сейчас.

Зарядка — это здоровье, бодрость и хорошо настроение. Вы не найдете человека, который возражал бы против зарядки. И все-таки очень и

очень многие ее не делают. Один ленится, другим не хватает силы воли, третьи считают, что и без зарядки прожить можно. За рубежом даже существует теория, что традиционная форма зарядки устареела и ее надо модернизировать. В некоторых странах зарядку передают телевидению в виде ритмического танца.

РИТМ НАШЕГО ДНЯ

У человека, как известно, вырабатываются условные рефлексы на время. Если вы, скажем, привыкли обедать в два часа дня, то к этому времени обязательно начнет посылаться в желудке. У спортсменов, привыкших тренироваться в одно и то же время, возникает в эти часы состояние повышенной возбужденности. Оно проявляется, если даже спортсмен пропускает тренировку. Подобным образом организм реагирует на каждую привычную деятельность. Из этих привычных занятий и из постоянных условных рефлексов складается ритм нашего дня.

Человек живет в условиях сугочной ритмики. В течение дня тонус организма постепенно повышается и, достигнув максимума в 12 часов, начинает снижаться.

Ученые пробовали изменять сугочную ритмику у животных. В некоторых случаях это удавалось. Например, петухов и кур связали в особые помещения, где отсутствовало естественное включение и выключение света создавали иллюзию смены суток. После каждого включения свет поступал волнообразно с начала дня, а курцы не уставали нести яйца.

Но человек не обманешь. С ним тоже пытались делать подобные опыты. Изолировали, отбавили неминуемо. Оказалось, что у людей существует внутренний сугочный ритм. Он чуть короче 24 часов, но приспосабливается к нему.

Конечно, человек может приспособиться к разным условиям и перестроить свой сугочный ритм. Например, при переезде в другой рай-

Стойкое соблюдение режима дня зависит от двух факторов: 1. От убежденности, что это вам необходимо. 2. От вашей силы воли. Стоит лишь однажды расслабиться, сказать: «Ну, ладно, в другой раз...» и начиная все сначала.

он земного шара, скажем, из Москвы в Ленинград. В этот путь потребуется в среднем десять часов, чтобы акклиматизироваться. Акклиматизация протекает незлобно: усталость, самочувствие, пожелание сонливости, снижается работоспособность. Не зря наши ученые уже сейчас беспокоятся о самочувствии советских спортсменов на международных турнирах. Многие ищут способы постепенной «домашней» акклиматизации.

Пожалуй, наиболее строго ритм дня соблюдается у спортсменов в моменты подготовки к международным соревнованиям. Варьетка, тренировка, отдых, питание, сон выполняются точно в одно и то же время. События этого ритма равновесны. Он означает не только комплексное, но и наиболее полное достижение высокого результата, но и определенную волевую настройку. Предстоит трудная борьба с соперником и с самим собой. Она потребует полной отдачи сил, волевого напряжения. И спортсмен готовит себя к этому напряжению. Каждодневное подчинение режиму — сильная тренировка характера.

Мы говорили о воле и твердости характера не случайно. Стойкое соблюдение режима дня зависит от двух факторов: 1) от убежденности, что это вам необходимо; 2) от власти силы воли.

Какое же, кроме стресса, в 7.30, сделать зарядку, обильно по похолодной воде. Одно удовольствие! Однако, наверное, каждый из вас, кто делает, делая или собираясь сделать зарядку, комкает как утром, в ответ на резкий звонок будильника, какая-то сила заставлял сердце прихлопнуть к груди, а мышцы задрожать, алая кровь под одею. Внутренний голос при этом убеждает: «Вот только полечку еще минуточку...»

Но каждое звено в цепи режима дня — немалым усилием. Сделать это не является — легче сделать следующее. Но стоит лишь олядыть расслабиться, сказать: «Ну, даю, в другой раз», — значивый вес сила.

Итак, все до крайности просто. Так же просто, как, например, просто курить. И так же трудно. Поэтому мы сразу проделаем всех, кто задумается о своем режиме дня: мобилизуйте силу воли!

Нередко можно слышать, что, делая утренние упражнения спортсмена, больше тренировочные упражнения отнимают много времени и энергии, мешают человеку проявлять свои способности в другом направлении. Глубоко заблужденное мнение. Глубоко и высоковолевой тонус высвобождает много свободного времени и сил. Нужно только уметь ими пользоваться. Пример тому — биографий выдающихся спортсменов.

Восьмью олимпийского чемпиона по боксу Валерия Поленченко. Он с самого оловочку коловую акацию. Сейчас инженер, аспирант, свободно владеет английским языком. Другой олимпийский чемпион по боксу, Геннадий Шатков, по образованию юрист, успешно защищает кандидатскую диссертацию и в настоящее время является проректором Ленинградского университета. Вот еще один пример. Американский спортсмен-парурик Чейне — единственный в мире человек, имеющий звание олимпийского чемпиона в пауэрлифтинге. Бобелевой президент по боксизму.

Спорт все настойчивей меняет жанр представления о возможности

организма, о подготовке его к работе, о здоровом отдыхе. Без жаны жизни человека без физической культуры и спорта становится неполноценным.

В 1929 году профессор Чикагского университета Эдмунд Джекобсон выступил в свет книгу «Прогрессирующее расслабление», в которой доказывал, что человека можно научить расслабляться. Для этого надо использовать физические упражнения и самонаушение различных состояний. Испытуемые Джекобсона составляли удивительные результаты. Они могли по желанию расслабиться, даже мышцами, даже такие мелкие и трудно управляемые, как мышцы лица. Опыты американского профессора вызвали большой интерес, но долгое время считалось, что никакого практического значения они не имеют.

Прошло двадцать лет, и оказалось, что люди нуждаются в расслаблении. Стали возникать различные системы «релаксации». Наиболее известны — советская прибрежная разработана в ГДР — называемая аутогенная тренировка.

Обратимся к статистике заболеваний. Миллионы людей страдают сердечно-сосудистыми заболеваниями. Люди, перенапряженные за сорос, с опаской смотрят на пищу, богатую холестеринем. Все знают, что они способствуют развитию атеросклероза и гипертонической болезни.

А ведь еще на рубеже нашего столетия серьезные сердечно-сосудистые болезни считались большой редкостью. Один известный спортсменский клиницист вспоминает, что когда в те годы у больного обнаруживался инфаркт миокарда, то обследовался все клиника. А ведь масса и люди, богатой холестеринем, в то время не избывали.

Нет, не в холестерин дело. Есть причины кура — серьезные факторы эмоционального перенапряжения, вытекающие из современного образа жизни. Ученые делят эти факторы на три группы. Первая, так называемая область: стремительный темп жизни, обилие психических раздражителей. Вторая — факторы, от которых мы не можем избавиться: шум, городской воздух, загрязняющий воздух. Третья — факторы индивидуального характера: монотонность производства, длительность сохранения одной и той же работы, малая подвижность, ночная работа и т. д.

Все эти факторы в большой или меньшей степени накладываются в течение дня, создавая усталость и напряжение. Чтобы снять это со-

стояние, нужно уметь расслабляться — сделать физическую зарядку. В основе ее лежит определенная физиологическая закономерность. При волнении или возбуждении

в организме выделяются гормоны внутренней секреции (главным образом адреналин), которые подготавливают организм к интенсивной мышечной работе. Механизм этого явления образовался еще на заре развития человечества, когда каждое возбуждение было связано со сплотивочным действием.

В спорте такое состояние повышенной возбужденности перед соревнованиями мы называем предстартовым. Оно находит разрядку в спортивной работе. А в жизни, в быту подобной предстартовое состояние не всегда вылезает послоточную мышечную работу. Идет, скажем, человек на прием к высокому начальнику или на экзамен. Он волнуется. Больше это, надо сказать, ни чучюки не помогают. Разговор закончился, а адреналин так и остался в крови. Сердце работает чаще, кровяное давление повышено.

Что делать? Совершите какую-нибудь активную физическую работу, работайте хотя бы по лестнице или пройдите быстрым шагом. Запомните: если хотите успокоиться, дайте себе физическую нагрузку!

Но это, так сказать, рекомендация частного порядка. А ведь обычно вы вроде бы и не волновались и не переживали, а все-таки к концу дня устали, устали и единственно ваше желание — лечь отдохнуть. Так подлаживающее большинство и поступает.

Уставшему человеку трудно в это поверить, но ему надо не отдыхать, лежать на диване, а двигаться — активно, с большой физической нагрузкой.

Откуда это — этот значок отвлечены от мыслей о делах рабочего дня и получить физическую нагрузку. Лучшее всего для этого подходит спорт. При этом все равно, какой вид спорта вы выберете, главное — и получить физическую нагрузку.

Но многие люди не тем или иным причинам не могут посещать спортивные секции. Что делать им? Во-первых, правильно отдыхать. Это есть, если у вас был тяжелый, напряженный день, связанный с разными переживаниями, то не следует вечером отгонять себя новыми переживаниями в театр или в кино, где показывается жгучая психологическая драма. Надо отвлечься. И второе: сделайте вечером за 40—60 минут до сна гимнастику на расслабление вечернюю зарядку.

Чтобы показать в общих чертах суть системы Джекобсона и аутогенной тренировки, приведем маленький пример. Человек принимает «позу кучера» (установив кучера, прошедшего на облучке весь день). Сядь, только опущены, руки покоятся на коленях. В этом поло-

жении человек начинает дышать себе, что, например, кисть левой руки у него становится тяжелой. Руки сами опускаются, а кисть правой — становится свинцом. А на самом деле происходит прилив крови к «потажившему» месту.

В принципе мы не можем ускорить воли регулировать работу внутренних органов. Но влияют на деятельность сердца, желудка и желчи внутренней секреции мозгом. Например, если вынуть себе из желудка лимон, то у вас выделится желудочный сок, и притом совершенно определенного состава. На таком уровне — это величина и основная система расслабления.

Доказано, что если человек совершает любую умственную работу, мыслит, усиленно напрягается. И наоборот: если человек расслабляет мышцы, то он расслабляется и инстинктивно.

Готовясь к Олимпийским играм в Токио, полные спортсмены применяли аутогенную тренировку и считают, что во многом именно ей обязаны своими достигнутыми результатами. И Пиндиг и тяжелоатлет В. Башковский.

Полезное телевидение ежедневно показывает передачу «Вечерние рассказы» — «Вечернее расслабление». На голубом экране девушка или мужчина в течение 5 минут показывают упражнения на расслабление, дают рекомендации к их выполнению.

У нас в стране системы расслабления с успехом применяются в медицине. «Журнал невропатологии и психиатрии» имени Корсакова помещал несколько статей об использовании аутогенной тренировки при лечении ряда сложных психических расстройств. А вот и быту аутогенная тренировка — нас почему-то не практикуется.

Вечерняя зарядка сводится к трем основным упражнениям.

1. Упражнения так называемого матовидного характера.

2. Упражнения, увеличивающие подвижность в грудной клетке, позволяющие и гибкость во всех суставах.

3. Упражнения, сопровождаемые концентрацией внимания на уменьшение напряжения в отдельных мышцах (аутогенная тренировка).

При выполнении вечерней зарядки очень важно следить за дыханием. Когда вы напряжены, дышать затруднительно. И наоборот, когда вы заставляете себя спокойно и ритмично дышать, можно снять напряжение.

Одна из «человек-медиков как-то сказал: «Перед тем как лечь спать, надо хорошо отдохнуть». Нам последуют прошедшие события, заботы будущего дня. А потом все точно так же, как лечь спать, надо хорошо отдохнуть, что мы не отходим перед сном. Ему должно предшествовать краткое состояние безделья. Полезно послушать музыку, почитать по свежескому воздуху.

Надо, чтобы вечерняя зарядка стала привычкой.

Как пройдет завтрашний день? Укрепит ли он ваше здоровье, или пошатнет его! Это зависит от вас!

— Летим на Луну. Груз рассчитан до килограмма. Можно взять только три книги. Каким три книги взять на Луну? У тебя полки с книгами. Если бы тебе пришлось выбирать?

Павел Попович (грозит корешки книг). — Да творчество духа взял бы Джека Лондона и Маяковского...

Так ответил советский космонавт в ответ корреспонденту «Комсомольской правды». Его ответ хорошо характеризует важную особенность прозаического замечательного американского писателя. Лучшие его рассказы, романы, повести обладают удивительной способностью укреплять человеческую волю и веру в свои силы.

Моржик и золотоискатель, рабочий и фермер — замечательный американский писатель Джек Лондон жив в своих произведениях и в творчестве последователей. Он по-прежнему любим и известен, как и полвека назад.

Почти все рассказы Джека Лондона переведены на русский язык. Из-за этого сто шестьдесятки. Но вот один из них — «Мертвые не возвращаются» — как-то ускользнул от внимания наших переводчиков.

Рассказ этот автобиографичен. В нем описывается один из эпизодов первого плавания Джека Лондона на шхуне «Софи Сазерленд», которая шла на китовый промысел в Беринг Японии.

Вилл БЫКОВ

МАРТИН

Джек ЛОНДОН

Своего семнадцатилетия я встретил на борту трематонтовой шхуны «Софи Сазерленд». Она шла в самановское плавание за котлинами и березгами Японии. Едва мы отплыли из Сан-Франциско, как я столкнулся с весьма легкой задачей. Из двенадцати матросов десять были проселенными морскими волками. Я, мальчишка, пустился в первое свое плавание с моряками, у которых была за плечами долгая и нелегкая шхона европейского торгового флота. Юнгами они не только знали левую своих моравальных обязанностей, но по неписаным морским законам пребывали в полной кабале у матросов. После того, как они сами поступали, они поступали в услужение и старшим матросам.

Так уж повелось, на полуване лежал на койке, старший матрос, взглянув свысока на яридного и влият ему подать башмаки или принести попить. И хотя яридовый матрос тоже лежал на койке и он не менее устал, чем старший матрос, он все же обязан вскакивать, и подавать, и приносить, если, конечно, не хочет быть избитым. И не приведи господь показать ему свою силу или похитить руку ма старшего матроса — тогда уж все они или достояние их циты избрасывалось на промосток осуждения, и установленные традиции термостоявали.

Теперь возникшие передо мной трудности становятся вам понятными. Эти скандинавские волки, битые смертные бои, прошли суровую

школу. Подрастающим прислушивались своим старшим товарищам, и, сделавшись старшими матросами, они, естественно, ждали, чтобы им прислушивались подростки. А я был подростком, но обладал силой мученика. В плаваньи я был впервые, но был хорошим моряком и делю свое знание. Мне нужно было доказать свое самостоятельность или подчиниться их власти. Я сомневался и теперь должен был утвердить это право на равенство — в противном случае мне пришлось бы пройти через семимесячный ад их ига. И это мне неслучайно было. С ними наравне вызывало у них законное негодование. Какое дело этого основания есть у меня! Ведь я еще ничего не заслужил такой высокой привилегии. Я не испытывал всех тех неволей и дурного обращения, казие довелось пережить мне в юности — забитым и запуганным немцем чинам. Больше того, я «скулупульный моряк», нуждающийся в помощи, а не наоборот.

План мой был несложен, но хорошо продуман и смел. Во-первых, я решил выполнить свою работу, как бы она была трудна и опасна, и делать ее настолько хорошо, чтобы исключить необходимость какого бы то ни было вмешательства или помощи со стороны. Вторую я был в состоянии постоянной готовности. Я не допускал даже мысли об отлынивании, так как знал, что зоркие глаза моих товарищей по полуване как раз и подкиркнутого этого. Я твердо решил вступить на вахту в числе первых и последним уходить в кюбли, не остав-

ляя никогда за собой даже хвостина незаправленной тали. В любую минуту я был готов ринуться наверх, и марсолю, и шкотата и галсака, проступить и установить или убрать парусов. И делал я всегда быстро, чем от меня требовалось.

К тому же я каждую минуту был начеку и готов в отквару. Совсем не так просто было нанести мне оскорбление или высоскормить обидеть со мной. При первом же намеке на что-то подобное и выскочил и выходил из себя. Возможно, меня и боялись бы в завывавшем драке, но должно было создаться впечатление, что они имеют дело с необузданными и упрямыми парнями, готовым сцепиться снова. Я хотел показать, что не потерплю никакой казды. Я дал понять, что того, кто посягнет на мою независимость, неизбежно ждет борьба. А поскольку я исправно выполнял свое дело, то прислуше все людям чувств справедливости, подкрепленные благодарными отзывами и чарапанья и укусам дини ножики, вскоре заставило их отказаться от своих оскорбительных поповознений. Ясно было, что я не потерплю ни одного из оскорблений. Я был уверен, что я не потерплю ни одного из оскорблений. Я был уверен, что я не потерплю ни одного из оскорблений.

Было еще один человек на полуване. Если учесть, что там было десять скандинавов и я одиннадцатый, то этот человек был двенадцатым и последним. Никто не знал его имени, и со всеобщего согласия прозвали его

Намивником. Он был инстинктив — по крайней мере он так сообщил нам в минуту пробеска доверия в самый начале путешествия. Тогда же пришлось нам узнать и кое-что другое. Он был действительно намивником, это было его профессией. Соленой водой он не выдал даже издана, пока не прибыл за наделом до встречи с нами в Сан-Франциско и не поспирит на Сан-Францисский завод. И что дерзнул его в сорон лет пятая в море, было наше нашего понимания: мы были убеждены, что этот человек меньше всего подходил для плаванья. Но он все же пришел и морю. С незлобно поимил он в матросском общирнии, а потом был послан к нам на Борт матросов первого класса.

Работу его приходилось делать всем, кому угодно. Он не только не умел, но показав свое совершенное неспособиан и учению. Далеко приносил все свои силы и умение, ма там и не научили его стоять у руля. Компас для него, судя по всему, был мушкетером, внушительный страх вертушки. Он путал стороны света, но говорил уже о полной неспособиан ориентировать корабли и держать его по курсу. Он так и не научился лодырничать маневр не мог никак сообразить, сделать ли это слева направо или справа налево. Владельцы простейшие мускульным примом перенесения веса тела на маневр с тем, что было бы очень благополучным. Простейшие изобретения и узлы были превращены его пониманием. Он смертельно боялся поднимать на маче. Правда, один раз, запуганный налитком и помешанным, он все же

В театральном мире дебюты редко остаются незамеченными: о них пишут, говорят, даже называют событиями, если дебют был удачным. Но бывает, что пройдет два-три года, все это забывается, и имя дебютанта стирается в памяти тех, кто говорил, видел, писал о нем.

И счастье, у Людмилы Мансасовой все получилось иначе. Правда, начало ее творческой жизни в театре так же традиционно, как и у всех дебютантов. Хотя не младший дебютант выскоч в такой известной театральной семье: ведь мама Людмилы — замечательная певица Мария Петровна Мансасова.

О первой роли Д. Мансасовой — роли Машки Чуховской в «Стрипуже замужем» — в 1961 году не говорили и писали, хотя выходящим событием это не стало. Было обаяние молодости, свежести, задора в Маше — Мансасовой, попавшей из института в кубанское село, где все то, что ей назвалось простым и понятным: система Станиславского, перевоплощение и другие сценические премудрости, — неведомы колхозницам, а зрительские премудрости еще неведомы, в свое очередь, ей самой. Было даже что-то общее между актрисой, которая только получила училище имени Б. В. Шукина и впервые вышла на сцену театра имени Евгения Вахтангова, и Машей, впервые столкнувшейся с жизнью.

Но главное в этом дебюте заключалось не в удачном раскритичном образе, а в каком-то удивительном ощущении у актрисы радости и праздника от пребывания на сцене.

Забывалась неопытность актрисы, и оставалось чувство радости, верилось, что первые шаги Людмилы Мансасовой по сцене — это залог уверенного второго, третьего, будущего... Потому что без ощущения, что в данный момент свертывается такая ответственная встреча со зрителем, вероятно, трудно создать что-либо значительное. И это «значительное», обе-

ШАГ ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, БУДУЩЕЕ...

Фото М. МУРАЗОВА

шником нам, пришло с ролью Маша в «Нисом тудот» — в следующей работе Людю.

В ее Маша нет подчеркнута цыганского колорита, она олицетворяет женской чистоты и самоотверженности в любви. Она целиком оправдывает слова Фади Протасова, называющего ее «бриллиантом», чистые и яркие грани которого отражаются в душах людей, встречающихся ее на своем пути. Полная добра и людям, гордая и достойная во всех своих поступках, Маша и к себе вызывает добрые чувства. Надо сказать, что Максимова остро чувствует форму сплетания, роли, грациозна, пластичная и в танце, и в походе, и в манерах, пронесет слезы весь сплетатель чистоту, достоинство, гордость любви.

Это чувство формы полное всего распылось в «Принцессе Турандот», где Людмила Максимова играет Аделу, татарскую княжну, попавшую в плен к Альтоу, отцу ее соперницы в любви — принцессе Турандот. Незатейливый сюжет, расцвеченный ремиссерской фантазией гениального Е. В. Вахтангова, вылился еще в 1923 году в новое течение театрального искусства, названное Самим Вахтанговичем «фантастическим реализмом». Сочетание этики, казалось бы, несовместимых понятий и привнесло в острую и театральной форме постановки Возрождения сплетатель в 1963 году, Р. Н. Симонов сохранил в нем вахтанговские приемы, овладевая которыми оказалась нелегким трудом для молодых исполнителей. Сложная, эмоционально гротескная роль Аделы в результате этого труда стала лучшей ролью Людю в театре.

Величественное чувство ритма, юмор, страсть и одеревенность делают сказочную героиню «фантастически реальной».

Надо сказать, и большой части Максимова, что каждая роль ее, будь то главная или эпизодическая — это труд, поиск, волнение, творчество.

За четыре года на сцене театра имени Евгения Вахтангова Людю сыграла, помимо ролей, о которых тут уже сказано, Нишу в «Черных птицах» Н. Погодина — образ человека, утратившего идеалы и оттого сломавшегося, циничного, Варьку — разбитную украинскую колхозницу в «Правде и Кривде» М. Стальмаха, наивную и застенчивую девицу-красавицу Майю в «Иркутской истории» А. Арбузова, констатную служанку Фрулу в «Данках гусарских» А. Фредро и во многих эпизодах.

Большим событием в жизни Людю была ее первая роль в кино. В картине Г. Чухрай «Жили-были старик со старухой» она сыграла дочь стариков — Нишу, малую современницу. Небольшая роль, но за короткие мгновения на экране актриса сумела рассказать о человеческой судьбе, сложном и противоречивом характере своей героини. Картина Г. Чухрай носит полемический характер. Ставится вопрос о понимании счастья, смысла жизни. Ремиссер не высказывает своего мнения — его герои думают и дают подумать зрителю. Вот это и привлекало Л. Максимову в картине, когда ей предложили сниматься. «Мне хочется играть людей думающих, людей необычной судьбы», — говорит актриса.

Людю видел не только советский зритель — она ездила с труппой на фестиваль драматических театров в Венецию, в Грецию, из кинофестиваля в Иран со своей первой картиной. Иран — четыре года, а короткие работы, событий, впечатлений.

Неудавшая дебютантка не дает забыть о себе. Любители театра и кино ждут следующих работ Людмилы Максимова.

И. СЕРГЕЕВА

Кадр из фильма «Жили-были старик со старухой».

Аделу из спектакля «Принцесса Турандот».

Людмила Максимова.

В спортивном отношении 1965 год выдался удивительным. Впервые обычного после олимпийских игр затихла на международной арене разгорались бурные события, породившие немало сенсаций и рекордов. На 22 мировых чемпионатах по олимпийским видам спорта наши парни и девушки завоевали 24 золотую медаль из 74 возможных, в то время как японцам досталось только 6 медалей, а американцам и итальянцам — по 3.

Были, однако, и огорчения. Разочаровала своих почитателей наша гимнастка, проигравшая мужской и женский кубки Европы. Вновь без лаврового венка вернулся с чемпионата

мира конькобежцы-мужчины. А пропавшие штангисты на первенстве мира сумели добыть лишь две золотые медали и проиграли командный приз. И, наконец, опоздали к началу сезона досадная неудача в Праге на чемпионате мира по художественной гимнастике.

В тех видах спорта, где результаты соревнований выражаются измеримыми величинами, о степени наших успехов можно судить по уровню высших достижений. В прошлом году в 36 олимпийских видах состязаний обновлены 42 рекорда СССР. Казалось бы, прогресс налицо. Не правда ли! Но, к сожалению, благополучие это только кажущееся. Оно отражает лишь количественную сторону, а вот качество рекордов оставляет желать лучшего.

Подтверждение этой далеко не новой мысли мы находим в публикуемых нами итоговых графиках, в которых достижения советских легкоатлетов, штангистов, пловцов и конькобежцев за 1965 год сравниваются с лучшими в мире прошлогодними

результатами. Думается, что эти графики не нуждаются в комментариях. Непонятно только, как могут сосуществовать в одном и том же виде спорта такие стремительные взлеты и глубокие провалы, как у наших бегунов и пловцов. И, кстати говоря, не первый год. Хочется надеяться, что в 1966 году «линия фронта» в нашем штурме мировых спортивных высот будет наконец выровнена.

Графики составлены судьей всесоюзной категории Г. ЕЛЕНСКИМ.

ЛЕГКАЯ АТЛЕТИКА		МУЖЧИНЫ
100	10,0	10,2 (8-20)
200	20,4	20,6 (8)
400	45,6	46,5 (25)
800	1,46,3	1,47,5 (22)
1500	3,36,4	3,41,2 (19)
5000	13,54,9	13,43,0 (16)
10000	27,30,4	28,22,0 (5)
110 м/с	15,3	15,7 (6-14)
400 м/с	49,0	1
3000 м/с	8,26,4	8,29,6 (2)
5000 м/с	2,25	2,19 (2)
ШЕСТЬ	5,18	5,00 (5)
ДАЛНАЯ	16,53	16,19 (2)
ТРОЙНИК	16,74	16,50 (4)
ЧЕТЫРЬ	21,51	19,19 (4)
ДИСК	65,53	59,48 (10)
КОЛОТ	73,20	71,02 (3)
КОЛЬЕ	88,14	86,56 (2)
		ЖЕНЩИНЫ
100	11,1	11,4 (4-9)
200	22,7	23,5 (5)
400	51,9	52,3 (3)
800	2,04,3	2,05,0 (3)
80 м/с	10,3	1
500 м/с	1,66	1,76 (5)
ДАЛНАЯ	6,71	1
ЧЕТЫРЬ	16,50	1
ДИСК	56,70	1
КОЛЬЕ	59,22	56,49 (2)

ТЯЖЕЛАЯ АТЛЕТИКА		МУЖЧИНЫ
БЕГУНЫ	357	350 (2)
П/БЕГУНЫ	385	365 (5)
БЕГУНЫ	427,5	425 (2)
П/СРЕДН.	452,5	450 (2)
СРЕДН.	472,5	470 (2)
П/ТЯЖЕЛ.	487,5	480 (2)
ТЯЖЕЛЫЕ	529,5	1
А. ВАХОНИН		
Е. ШИШАЕВ		
В. ИЛАПИНОВ		
В. ИЩЕНКОВ		
А. ИСАЕВ		
В. ГОЛОВАНОВ		
А. ШАБАГИНСКИЙ		

ПЛАВАНИЕ		МУЖЧИНЫ
100	53,4	54,4 (15)
200	1,58,4	2,02,1 (10)
400	4,14,1	3-3 4,15,0
1500	16,38,6	17,01,8 (2)
100	1,07,4	1
200	2,30,2	1
100	31,6	31,20 (17-20)
200	2,07,7	2,10,4 (4)
100	1,00,5	1,00,8 (2)
200	2,12,4	2,12,8 (10)
400	4,49,2	4,57,8 (8)
		ЖЕНЩИНЫ
100	1,00,7	1,02,6 (12-13)
200	2,12,3	2,19,2 (6)
400	4,38,6	4,56,6 (8)
800	9,37,8	10,20,4 (22)
100	1,16,5	1
200	2,45,0	1
100	1,04,5	1,09,1 (11-13)
200	2,25,3	2,42,2 (8-10)
100	1,08,1	1,10,5 (7-9)
200	2,28,0	2,32,0 (8)
400	5,19,6	5,36,6 (6)
В. МАЗАНОВ		
Е. НОВИЦКИЙ		
С. БЕЛЦА-ГЕЙМЫ		
С. БЕЛЦА-ГЕЙМЫ		
Г. ПРОКОПЕНКО		
Г. ПРОКОПЕНКО		
В. КУЗЬМИН		
В. КУЗЬМИН		
В. МАЗАНОВ		
В. МАЗАНОВ		
А. ДУНАЕВ		
А. ДУНАЕВ		
И. СОСНОВА		
Т. СОСНОВА		
Т. СОСНОВА		
Т. СОСНОВА		
С. БАВАННИНА		
Г. ПРОКОПЕНКО		
Т. ДЕВТОВА		
В. ЯКОВЛЕВА		
Н. МИХАЙЛОВА		
Н. МИХАЙЛОВА		
А. ХАЗИЗЕВА		

КОНЬКОБЕЖНЫЙ СПОРТ		МУЖЧИНЫ
500	40,3	1
1500	2,07,3	1
5000	7,28,1	7,35,4 (8)
10000	15,47,7	15,53,1 (6)
		ЖЕНЩИНЫ
300	45,7	1
1000	1,34,3	1
1500	2,25,2	1
3000	5,07,4	1
Е. ГРИШИН		
Э. МАТУСЕВИЧ		
А. МАУСЕВИЧ		
В. ГЕЙДЕРИХ		
И. ВОРОНИНА		
И. ВОРОНИНА		
И. ВОРОНИНА		
В. СТЕПИНА		

365 МИРОВОЙ РЕКОРД

1002

РЕКОРД СССР

① МЕСТО В МЕЖДУНАРОДНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

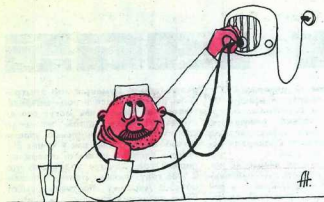

Рисунок А. НЕКРАСОВА

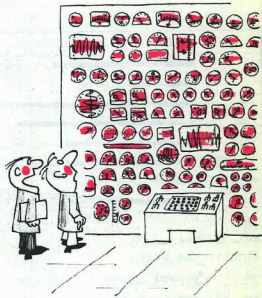

— КАКОЕ ЖЕ ОБЛЕГЧЕНИЕ — СНЯТЬ НАВОНЕЦ С ПОГ ЭТИ ПРОКЛЯТЫЕ ДОСКИ!

— НУ, ТАК ИТО ЖЕ ИЗ ВАС ГРАЖДАНИН ПЕТРОВ?

Рисунок В. БЛАНКМАНА

— ПУСТЯКИ ВСЕ АВТОМАТИЗИРОВАНО. ВАМ ОСТАЕТСЯ ТОЛЬКО СЛЕДИТЬ ЗА ПОКАЗАНИЯМИ ПРИБОРОВ.

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

На первой странице обложки: Под руководством инженера-химика Эмиля Десюа печаталась кинолента для цветомузыкального фильма «Прометей».

Фото А. ЛЕХМУСА

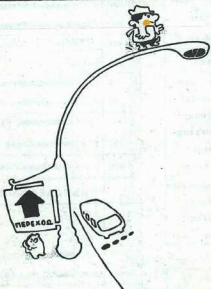

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

— КАК-ТО ЭТО ВСЕ-ТАКИ У НАС НЕПРОДУМАНО...

Рисунок А. НЕКРАСОВА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-03; международный ящик — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; пишем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; студенческой молодежи — Д 0-49-93; информация — Д 1-04-10; оформления — Д 0-29-39.

Главный редактор В. И. Самохин.
 Редакколлегия: К. К. Андреев, В. Н. Ганичев, Е. А. Голубев [заместитель главного редактора], А. А. Долматовский, К. Н. Замошнин, Р. Ф. Казакова, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], А. П. Кулишев, Е. И. Рабчинков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стугов [главный художник].

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова
 Технический редактор Н. Вудкина

А 10201. Подписано к печати 4/1 1986 г.
 Тираж 1 000 000. Изд. № 165.
 Запас 3590. Формат бумаги 70 × 108¹/₂ — 2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

За завтраком

УМЕНИЕ УДИВЛЯТЬСЯ

Крышка Таллина

Говорят, что в давние времена поспорили три великих мудреца. Они никак не могли решить, что на свете самое удивительное. Один сказал: «Самое удивительное — это рыбы, они понимают друг друга без слов». Другой сказал: «Самое удивительное — это птицы, они на все смотрят с высоты птичьего полета». А третий ответил: «Самое удивительное — это люди, они умеют удивляться».

Он был прав. Умение удивляться, умение видеть поэтическое в обычном — непреходящее свойство творческого человека. Зина Гольцман — молодая художница, но в каждой ее работе присутствует удивление. Не наименее удивление ребенка — в смелый взгляд художника. Вот вошел человек в украинскую хату и удивился: как много тут интересного, яркого, неожидательного! И вышитые рушники, и красные полотенца, и репродуктор на стене... Цвет насыщенный, композиция густа, однако в общем

пластическом решении каждый предмет имеет свое точное место. Выполнено все в гуаши, мелках, карандашах — кажется, что художник хотел записать все в минутный миг. Но удивление не случаю. За ним взгляд на жизнь, работа и умение. Пускай все одинаково удачно, но слыво все свой голос и свое tema.

Зина Гольцман любит рисовать интерьеры с предметами современного быта, интерьеры деревенские, где все так мило и предметно. Горько, где старина то и дело сталкивается с современностью. Елка, цветочного крыльца в Ярославле тянутся тонкие нити электропроводов. И почти в каждой ее работе — люди. Старый столяр-моряк, крестьянин, который плетет морзину, сварщик возле синих баллонов с кислородом...

Можно ли назвать радость жизни темой художника? Если да, то это и есть главная тема работ Зины Гольцман.

Рисует Зина с детства. В семи лет — детская студия при Московском городском Доме пионеров. Затем художественная школа и художественно-графический факультет педагогического института имени Ленина. Формируется вкус. Любимые художники — Иончаловский и Никто Тираспольский. У первого — отношение и цвету, и выбору сюжета; у второго — неосредственное и доброе отношение к людям и жизни.

Затем поездка в Урваня, Прибалтика, Средняя Россия. Новые впечатления, новые встречи. Но везде и всюду поиски своего единственного, того, что лежит в основе будущих картин. И, конечно же, зарисовки на базаре, на улице, в парку.

Сейчас Зина Гольцман не только рисует, но и преподает композицию в той самой художественной школе, которую когда-то окончила.

Работа деловит и неброска и тема, а потом вместе с преподавательской компетенцией их. Это удивительнейшее умение найти единственное решение, отбросив все случайное, ненужное. Бывает так, что учитель сам учится у своих учеников.

Зина Гольцман двадцать пять лет.

Это — самое начало.

Рован СЕФ.

Улица Подбельского в Ярославле

Интерьер

